

BIBLIOTHÈQUE

DU

PRINCE E. LWOFF.

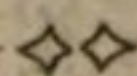
Ann. 18

Ray. 6

Nº 17

БИБЛІОТЕКА

ИМПЕРАТОРСКАГО университета
Св. Владиміра.

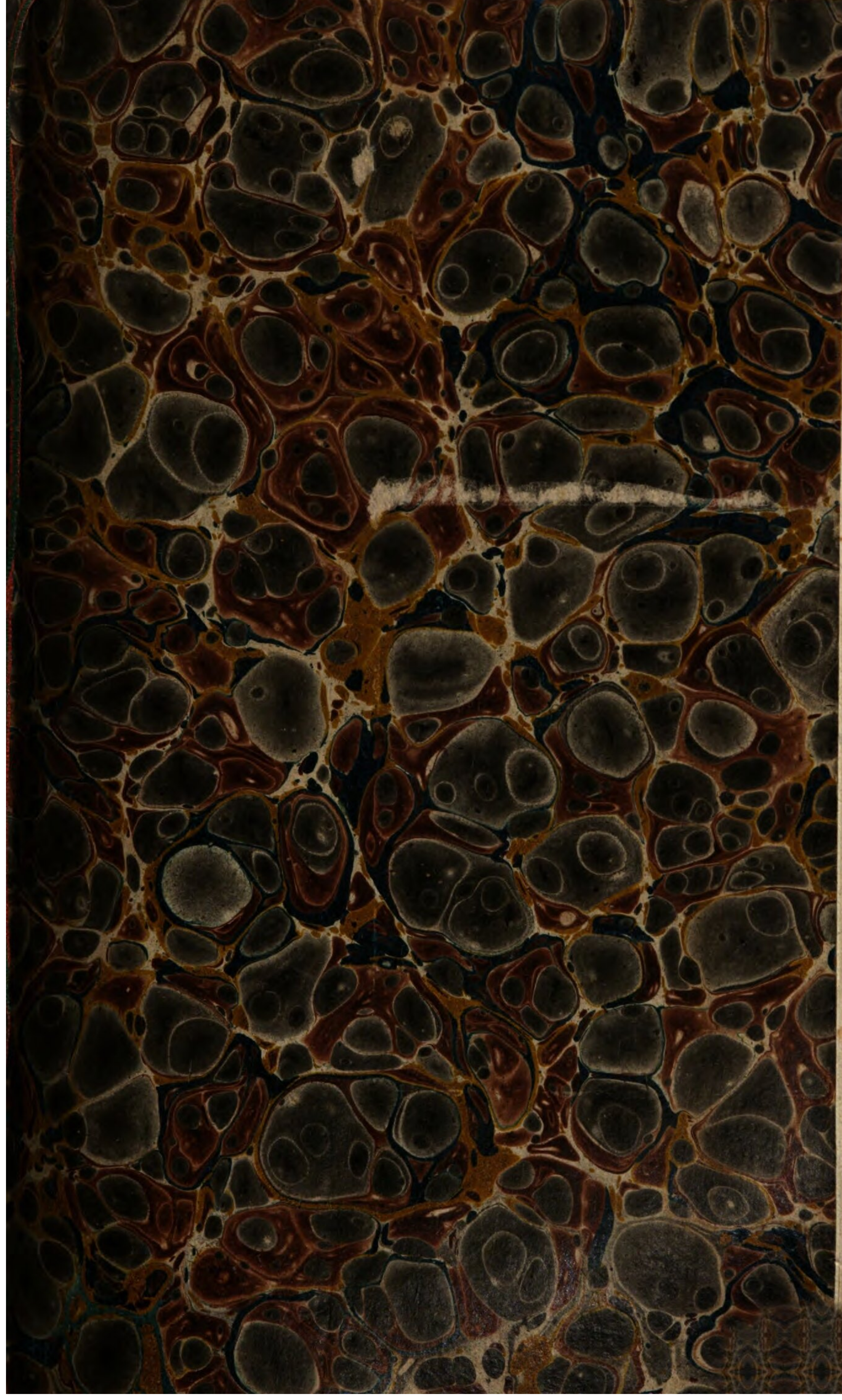
БИБЛІОТЕКА ГЕН.-АДЪЮТАНТА
Дмитрія Гавриловича

БИБИКОВА,

пожертвованная Университету
его дочерью,

ГРАФИНЕЮ КАССИНИ
въ 1898 г.

№ 1481

P. o. rel. 3356 + 3

СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

ІІІ.

СТІХОТРОПЕНІЯ ПУШКИНА

III

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Третья Часть.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
С. Петербургъ, 20 Января, 1832 года.

Ценсоръ И. Семеновъ.

1829.

1881

I.

КАВКАЗЪ.

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Спою надъ снѣгами у края стремнины:
Орель, съ опдаленной поднявшись вершины,
Парить неподвижно со мной наравнѣ.
Опселя я вижу попоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ ниже мохъ пощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленые сѣни,
Гдѣ птицы щебечуть, гдѣ скачутъ олени.

А шамъ ужь и люди гнѣздяшся въ горахъ,
 И ползають овцы по значнымъ спремнинамъ,
 И пасырь низходитъ къ веселымъ долинамъ,
 Гдѣ мчися Арагва въ пѣнистыхъ берегахъ,
 И нищій наѣздникъ шаишся въ ущельи,
 Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи;

Играетъ и воешь, какъ звѣрь молодой,
 Завидѣвшій пищу изъ клѣпки желѣзной;
 И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной
 И лижешь ушесы голодной волной....
 Вотще! нѣтъ ни пищи ему, ни опрады:
 Тѣснятъ его грозно нѣмья громады.

II.

О Б В А Л Ъ.

Дробясь о мрачныя скалы,
 Шумяшь и пѣняшся валы,
 И надо мной кричащъ орлы,
 И ропщешъ боръ,
 И блещущъ средь волнистой мглы
 Вершины горъ.

Ошполь сорвался разъ обваль,
 И съ тяжкимъ грохошомъ упаль,
 И всю тѣснину между скалъ

Загородилъ,
И Терека могущій валъ
Остановилъ.

Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнь упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга....
Ты захопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

И долго прорванный обвалъ
Нешалой грудой лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ,
И пылью водъ
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шёлъ :

И конь скакалъ, и влекся вошь,

И своего верблюда вёлъ

Степной купецъ,

Гдѣ нынѣ мчипся лишь Эоль,

Небесъ жилецъ.

III.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКѢ.

Высоко надъ семьею горъ,
Казбекъ, твоя царственный шатёръ
Сіяетъ вѣчными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Какъ въ небѣ рѣющій ковчегъ,
Паритъ, чуть видный, надъ горами.

Далекій, возжеланный берегъ!
Туда бѣ, сказавъ прости ущелью,
Подняшься къ вольной вышинѣ!
Туда бѣ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрышься мнѣ!...

IV.

ДЕЛИБАШЪ.

Перестрѣлка за холмами;
Смотришь лагерь ихъ и нашъ;
На холмѣ предъ Казаками
Вьется красный Делибашъ.

Делибашъ! не суйся къ лавѣ,
Пожалѣй свое жишье;
Вмигъ аминь лихой забавѣ:
Попадешься на копье.

Эй, Казакъ! не рвися къ бою:

Делибашъ на всемъ скаку

Срѣжетъ саблею кривою

Съ плечъ удалую башку.

Мчатся, сшиблись въ общемъ крикъ.....

Посмотрите! каковы?.....

Делибашъ уже на пикъ,

А Казакъ безъ головы.

V.

На холмахъ Грузіи лежишь ночная мгла;
Шумишь Арагва предо мною.
Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣшла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучишь, не тревожишь,
И сердце вновь горитъ и любитъ — опъ того,
Что не любитъ оно не можешь.

VI.

(Лагерь при Эвфратѣ.)

Не плѣняйся бранной славой,

О красавецъ молодой!

Не бросайся въ бой кровавой

Съ Карабахскою толпой!

Знаю: смерть тебя не встрѣшишь;

Азраиль, среди мечей,

Красоту твою замѣшишь —

И пощада будетъ ей!

Но боюсь: среди сраженій

Ты утратишь навсегда

Скромность робкую движеній,

Прелестъ нѣги и стыда!

VII.

Д О Н Ъ.

Блеща средь полей широкихъ,
 Вонъ онъ льется!... Здравствуй, Донъ!
 Отъ сыновъ твоихъ далёкихъ
 Я привезъ тебѣ поклонъ..

Какъ прославленнаго брата
 Рѣки знаютъ тихій Донъ:
 Отъ Аракса и Эвфрата
 Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ опъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже Донскіе кони
Арпачайскую спрую.

Пригошовъ же, Донъ завѣшный,
Для набѣдниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искромешный
Виноградниковъ швоихъ.

VIII.

ОЛЕГОВЪ ЩИТЬ.

Когда ко граду Константина
 Съ шобой, воинственнѣй Варягъ,
 Пришла Славянская дружина
 И развила побѣды спягъ;
 Тогда во славу Руси рашной,
 Спрошиву Греку въ спыдѣ и спрахъ,
 Ты пригвоздилъ свой щипъ булатной
 На Цареградскихъ воротахъ.

Наспали дни вражды кровавой;
 Твой пущъ мы снова обрѣли.
 Но днесъ, когда мы вновь со славой
 Къ Сшамбулу грозно пришекли;

Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
 Твой спонъ ревнивый насъ смушилъ,
 И нашу рать передъ Сшамбуломъ
 Твой старый щипъ остановилъ.

IX.

Поѣдемъ, я гошовъ; куда бы вы, друзья,
Куда бь ни вздумали, гошовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножію ль стѣны далекаго Кипая,
Въ кипящій ли Парижъ, шуда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поешъ уже ночной гребецъ,
Гдѣ древнихъ городовъ подъ пепломъ дремлютъ мощи,
Гдѣ кипарисныя благоухають рощи,
Повсюду я гошовъ. Поѣдемъ... но, друзья,
Скажише: въ спранспвіяхъ умрешъ ли спрасъ моя?
Забуду ль гордую, мучительную дѣву,
Или къ ея ногамъ, ея младому гнѣву,
Какъ дань привычную, любовь я принесу?

— — — — —

X.

Когда твои младыя лѣша
Позорить шумная молва,
И ты по приговору свѣша
На чesть упростила права;

Одинъ, среди толпы холодной,
Твои спраданья я дѣлю
И за тебя мольбой безплодной
Кумирь безчувственный молю.

Но свѣтъ... Жестокихъ осужденій
Не измѣняешь онъ своихъ:
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны пребуешь для нихъ.

Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемерныя гоненья:
Къ забвенью сердце приготовь;

Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій, душный кругъ;
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

XI.

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можешь,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
Я не хочу печалишь васъ ничѣмъ.
Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ;
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

XII.

(2 Ноябрь.)

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
 Слугу, несущаго мнѣ упрямъ чашку чаю,
 Вопросами: тепло ль? упихла ли мешель?
 Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
 Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
 Возишься съ старыми журналами сосѣда?
 Пороша. Мы вспаемъ, и пошчасъ на коня,
 И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
 Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
 Глядимъ на блѣдный снѣгъ прилѣжными глазами;
 Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой,
 Двухъ зайцевъ просправивъ, являемся домой.
 Куда какъ весело! Вошъ вечеръ: выюга воешь,

Свѣча темно горишь; спѣсняясь, сердце ноешь;
По капль, медленно глошаю скуки ядъ.
Чишаешь хочю; глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.
Ко звуку звукъ нейдешь... Теряю всѣ права
Надъ рифмой, надъ моею прислужницею спранный:
Спихъ вяло пьянется, холодный и шуманной.
Успалый, съ лирою я прекращаю споръ,
Иду въ гостиную; тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ;
Хозяйка хмурилась въ подобіе погодъ,
Спальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаешь короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идешь въ уединенья!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали въ кибиткѣ иль возкѣ
Нежданая семья: спарушка, двѣ дѣвицы,

(Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сесприцы),
 Какъ оживляется глухая спорона!
 Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
 Сначала косвенно-внимательные взоры,
 Пошомъ словъ нѣсколько, пошомъ и разговоры,
 А шамъ и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
 И вальсы рѣзвые, и шопопъ за споломъ,
 И взоры томные, и въпренныя рѣчи,
 На узкой лѣстницѣ замедленные встрѣчи;
 И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
 Открышы шея, грудь, и вьюга ей въ лицо!
 Но бури сѣвера не вредны Руской розѣ.
 Какъ жарко поцалуй пылаешь на морозѣ!
 Какъ дѣва Руская свѣжа въ пыли снѣговъ!

XIII.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце ; день чудесный !

Еще ты дремлешь , другъ прелесный —

Пора , красавица , проснись :

Открой сомкнуты нѣгой взоры

На встрѣчу сѣверной Авроры ,

Звѣздою сѣвера явись !

Вечоръ , ты помнишь , вьюга злилась ,

На мутномъ небѣ мгла носилась ;

Луна , какъ блѣдное пятно ,

Сквозь тучи мрачныя желтѣла,
 И ты печальная сидѣла —
 А нынче погляди въ окно:

Подъ голубыми небесами
 Великолѣпными коврами,
 Блесня на солнцѣ, снѣгъ лежитъ;
 Прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ,
 И ель сквозь иней зеленѣетъ,
 И рѣчка подо льдомъ блескишь.

Вся комната янтарнымъ блескомъ
 Озарена. Веселымъ шрескомъ
 Трещишь зашопленная печь.
 Приятно думать у лежанки.
 Но знаешь: не велѣть ли въ санки
 Кобылку бурую запречь?

Скользя по упренному снѣгу,
 Другъ милый, предадимся бѣгу
 Неперпѣливаго коня,
 И навѣспимъ поля пусшыя,
 Лѣса, недавно споль гусшыя,
 И берегъ, милый для меня.

XIV.

Щасливъ шы въ прелестныхъ дурахъ,
 Въ службѣ, въ карпахъ и въ пирахъ;
 Ты St.-Priest въ каррикашурахъ,
 Ты Нелединскій въ спихахъ;
 Ты проспрѣлень на дуелѣ,
 Ты разрубленъ на войнѣ —
 Хошь герой шы въ самомъ дѣлѣ,
 Но повѣса шы вполнѣ.

Въ томяко жьсть Василь Третьяковскій,
 Ршодъ посплать * * * * *

XV.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ Элизіи Василій Тредьяковскій
 (Преоспрый мужъ, достойный много хваль)
 Съ усердіемъ принялся за журналъ.
 Въ соспрудники самъ вызвался Поповскій,
 Свои спашьи Елагинъ обѣщаль;
 Кургановъ самъ надъ крипикой хлопочеть,
 Блеснушь умомъ Письмовникъ снова хочеть;
 И, говоряшь, надняхъ они начнушь,
 Благословясь, сей преполезный трудъ —
 И только ждешъ Василій Тредьяковскій,
 Чтобъ подоспѣлъ * * * * *.

XVI.

Какъ сапирой безымянной
Ликъ Зоила я пашналь,
Признаюсь: на вызовъ бранной
Возраженій я не ждалъ.
Справедливы ль эпи слухи?
Отвѣчалъ онъ? Точно ль такъ?
Въ полученьи оплеухи
Разписался мой дуракъ?

XVII.

ДОРОЖНЫЯ ЖАЛОБЫ.

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ,
То въ коляскѣ, то верхомъ,
То въ кибиткѣ, то въ каретѣ,
То въ пелегѣ, то пѣшкомъ?

Не въ наслѣдственной берлогѣ,
Не средь опческихъ могилъ,
На большой мнѣ, знаешь, дорогѣ
Умереть Господь судилъ,

На каменьяхъ подь копытомъ,
На горѣ подь колесомъ,
Иль во рву, водой размытомъ,
Подь разобранномъ мостомъ.

Иль чума меня подцѣпитъ,
Иль морозъ окостенитъ,
Иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ вѣлитъ
Непроворный инвалидъ.

Иль въ лѣсу подь ножъ злодѣю
Попадуся въ сторонѣ,
Иль со скуки околю
Гдѣ нибудь въ карантинѣ.

Долго ль мнѣ въ постѣ голодной
 Постъ невольный соблюдать
 И шелятиной холодной
 Трюфли Яра поминашь?

То ли дѣло быть на мѣстѣ,
 По Мясницкой разъѣзжать,
 О деревнѣ, о невѣстѣ
 Надосугѣ помышлять!

То ли дѣло рюмка рома,
 Ночью сонъ, поутру чай;
 То ли дѣло, братцы, дома!...
 Ну, пошелъ же, погоняй!...

XVIII.

КАЛМЫЧКЪ.

Прощай, любезная Калмычка!

Чуть-чуть, на зло моихъ зашѣй,

Меня похвальная привычка

Не увлекла среди степей

Вслѣдъ за кибиткою твоей.

Твои глаза конечно узки,

И плосокъ носъ, и лобъ широкъ,

Ты не лепечешь пофранцузски,

Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ,

Поанглійски предъ самоваромъ

Узоромъ хлѣба не крошишь,

Не восхищаешься Сен-Маромъ,

Слегка Шекспира не цѣнишь,

Не погружаешься въ мечтанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь: Ma dov'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраньи...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мнѣ запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали
Твой взоръ и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же:
Забышься праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ,
Или въ кибиткѣ кочевой?

XIX.

Что въ имени тебѣ моемъ?

Оно умреть, какъ шумъ печальный

Волны, плеснувшей въ берегъ дальный,

Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.

Оно на памятномъ листкѣ

Оставилъ мертвый слѣдъ, подобной

Узору надписи надгробной

На непонятомъ языкѣ.

Чшо въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дася оно
Воспоминаній чистыхъ, нѣжныхъ.

Но въ день печали, въ тишинѣ,
Произнеси его шоскуя;
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мѣрѣ сердце, гдѣ живу я.

XX.

(При посылкѣ бронзоваго Сфинкса.)

Кто на снѣгахъ возраспилъ Теокриповы нѣжныя розы?

Въ вѣкѣ желѣзномъ, скажи, кто золошой угадалъ?

Кто Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а родомъ Германецъ?

Вошь загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши!

XXI.

Брожу ли я вдоль улиц шумныхъ,

Вхожу ль во многолюдный храмъ,

Сижу ль межъ юношей безумныхъ,

Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчашся годы,

И сколько здѣсь ни видно насъ,

Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды —

И чей нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
 Я мыслю: папріархъ лѣсовъ
 Переживешь мой вѣкъ забвенный,
 Какъ пережилъ онъ вѣкъ опцовъ.

Младенца ль милого ласкаю,
 Уже я думаю: прости!
 Тебѣ я мѣсто уступаю:
 Мнѣ время плѣшь, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину
 Привыкъ я думой провождать,
 Грядущей смерти годовщину
 Межъ нихъ спараясь угадашь.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
 Въ бою ли, въ снранствіи, въ волнахъ?
 Или сосѣдняя долина
 Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хощь безчувственному тѣлу
 Равно повсюду исплѣвать;
 Но ближе къ милому предѣлу
 Мнѣ все бѣ хощѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
 Младая будетъ жизнь играть,
 И равнодушная природа
 Красою вѣчною сіяетъ.

1830.

1080

I.

(19 Января.)

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лиръ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твоей голосъ величавой
Меня внезапно поражалъ.

Я лиль потоки слезъ нежданныхъ,
И ранамъ совѣспи моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Оспраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,
И силой крошкой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла мракъ земныхъ суешъ,
И внемлешь арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэшъ.

II.

КЪ ВЕЛЬМОЖЪ.

(Москва.)

Ошь сѣверныхъ оковъ освобождаѣ мѣрь,
 Лишь только на поля, спруясь, дохнешь зефиръ,
 Лишь только первая позеленѣешь липа,
 Къ тебѣ, привѣшливый попомокъ Ариспиппа,
 Къ тебѣ явлюся я; увижу сей дворець,
 Гдѣ циркуль зодчаго, палибра и рѣзецъ
 Ученой прихопи твоей повиновались
 И вдохновенные въ волшебствѣ соспязались.

Ты понялъ жизни цѣль: щасливый человекъ,
 Для жизни ты живешь. Свой долгій ясный вѣкъ
 Еще ты смолоду умно разнообразилъ,
 Искать возможнаго, умѣренно проказилъ;
 Чредою шли къ тебѣ забавы и чины.
 Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
 Явился ты въ Ферней — и Циникъ посѣдѣлый,
 Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый,
 Свое владычество на Сѣверѣ любя,
 Могильнымъ голосомъ привѣщивовалъ тебя.
 Съ тобой веселости онъ распочалъ избытокъ,
 Ты лещь его вкусилъ, земныхъ боговъ напишокъ.
 Съ Фернеемъ распроспяхъ, увидѣлъ ты Версаль.
 Пророческихъ очей не проспирая вдаль,
 Тамъ ликовало все. Армида молодая,
 Къ веселью, роскоши знакъ первый подавая,
 Не вѣдая, чему судьбой обречена,
 Рѣзвилась, въпренымъ Дворомъ окружена.
 Ты помнишь Трианонъ и шумныя забавы?
 Но ты не изнемогъ отъ сладкой ихъ осправы;

Ученье дѣлалось навремя твоей кумирь :
 Уединялся ты. За твоей суровый пирь
 Точитель Промысла, то Скептикъ, то безбожникъ,
 Садился Дидеротъ на шпикъ свой преножникъ,
 Бросалъ парикъ, глаза въ восторгъ закрывалъ
 И проповѣдывалъ. И скромно ты внималъ
 За чашей медленной аею иль деиспу,
 Какъ любопытный Скиотъ Афинскому Софисту.

Но Лондонъ звалъ твое вниманіе. Твой взоръ
 Прилжно разобралъ сей двойственный соборъ :
 Здѣсь напискъ пламенный, а шамъ оппоръ суровой,
 Пружины смѣлая гражданственности новой.

Скучая, можешь быть, надъ Темзою скупой,
 Ты думалъ далъ плышь. Услужливый, живой,
 Подобный своему чудесному герою,
 Веселый Бомарше блеснулъ передъ побою.

Онъ угадалъ тебя : въ пѣнительныхъ словахъ
 Онъ сталъ рассказывать о ножкахъ, о глазахъ,

О нѣгѣ той страны, гдѣ небо вѣчно ясно,
 Гдѣ жизнь лѣнивая проходишь сладострастно,
 Какъ пылкій, опрока восторговъ полный, сонъ;
 Гдѣ жены вечеромъ выходятъ на балконъ,
 Глядятъ и, не спрашась ревниваго Испанца,
 Съ улыбкой слушають и манятъ иностранца.
 И ты, встревоженный, въ Севиллу полешѣль.
 Благословенный край, пѣнишельный предѣль!
 Тамъ лавры зыблются, тамъ апельсины зрѣють...
 О, Расскажи жъ ты мнѣ, какъ жены тамъ умѣють
 Съ любовью набожнось умильно сочешать,
 Изъ-подъ маншильи знакъ условный подавать;
 Скажи, какъ падаешь письмо изъ-за рѣшетки,
 Какъ злапомъ усыпленъ надзоръ угрюмой шетки;
 Скажи, какъ въ двадцать лѣтъ любовникъ подь окномъ
 Трепещетъ и кипитъ, окутанный плащѣмъ.

Все измѣнилось. Ты видѣлъ вихоръ бури,
 Паденіе всего, союзъ ума и фурій,
 Свободой грозною воздвигнуый законъ,

Подъ гильошиною Версаль и Тріанонъ,
 И мрачнымъ ужасомъ смѣненные забавы.
 Преобразился міръ при громахъ новой славы.
 Давно Ферней умолкъ. Пріятель твой Вольперъ,
 Превращености судебъ разительный примѣръ,
 Не успокоившись и въ гробовомъ жилищѣ,
 Донынѣ спранспвуетъ съ кладбища на кладбище.
 Баронъ д'Ольбахъ, Морле, Гальяни, Дидеротъ,
 Энциклопедіи скептической причѣтъ,
 И колкій Бомарше, и твой безносый Каспи,
 Всѣ, всѣ уже прошли. Ихъ мнѣнья, толки, страсти
 Забыты для другихъ. Смотри: вокругъ тебя
 Все новое кипитъ, бывшее истребля.
 Свидѣтелями бывъ вчерашняго паденья,
 Едва опомнились младые поколѣнья.
 Жестокихъ опытовъ собирая поздній плодъ,
 Они шоропяща съ расходомъ свесеть прихоть.
 Имъ некогда шутить, обѣдать у Темиры,
 Иль спорить о стихахъ. Звукъ новой, чудной лиры,
 Звукъ лиры Байрона развлечъ едва ихъ могъ.

Одинъ все шопъ же ты. Сступивъ за швой порогъ,
 Я вдругъ переносусь во дни Екатерины.
 Книгохранилище, кумиры, и картины,
 И стройные сады свидѣтельствуютъ мнѣ,
 Что благосклонствуешь ты музамъ въ тишинѣ,
 Что ими въ праздности ты дышешь благородной.
 Я слушаю тебя: твой разговоръ свободной
 Исполненъ юности. Вліянье красоты
 Ты живо чувствуешь. Съ восторгомъ цѣнишь ты
 И блескъ А * * * и прелестъ * * *.
 Безпечно окружась Корреджіемъ, Кановой,
 Ты, не участвуя въ волненіяхъ мірскихъ,
 Порой насмѣшливо въ окно глядишь на нихъ
 И видишь оборотъ во всемъ кругообразный.
 Такъ, вихорь дѣлъ забывъ для музъ и нѣги праздной,
 Въ пѣни порфирныхъ бань и мраморныхъ палащъ,
 Вельможи Римскіе встрѣчали свой закашъ.
 И къ нимъ издалека по воинъ, по орашоръ,
 То консулъ молодой, по сумрачный дикшашоръ

Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вдохнушь о пристани и вновь пушишься въ путь.

III.

П О Э Т У.

Поэпть! не дорожи любовію народной.
Воспорженныхъ похваль пройдепть минушнй шумъ;
Услышишь судъ глупца и смѣхъ шолпы холодной:
Но ты останься швердь, спокоепъ и угрюмъ.

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершеншвуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородной.

Онъ въ самомъ шебѣ. Ты самъ свой высшій судъ ;
 Всѣхъ спроже оцѣнишь умѣешь ты свой трудъ.
 Ты имъ доволенъ ли, взыскашельный художникъ ?

Доволенъ? Такъ пускай полпа его бранишь,
 И плюетъ на алшарь, гдѣ швой огонь горитъ,
 И въ дѣпской рѣзвості колеблетъ швой преножникъ.

IV.

ОТВѢТЪ АНОНИМУ.

О, кшо бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
 Привѣстивуешь мое къ блаженству возрожденье,
 Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жмешь,
 Указываешь путь и посохъ подаешь;
 О, кшо бы ни былъ ты: спарикъ ли вдохновенный,
 Иль юности моей поварищъ опдаленный,
 Иль отрокъ, музами тайнственно хранимъ,
 Иль пола крошкаго спыдливый херувимъ,
 Благодарю тебя душою умиленной.
 Вниманья слабаго предметъ уединенный,
 Къ доброжелательству досель я не привыкъ—
 И спранень мнѣ его привѣсливый языкъ.

Смѣшонъ, участія кто пребуесть у свѣта!
 Холодная толпа взираесть на поэта,
 Какъ на заѣзжаго фигляра: если онъ
 Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій спонъ,
 И выспраданный стихъ, пронзительно-унылой,
 Ударитъ по сердцахъ съ невѣдомою силой —
 Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
 Неблагодарною киваетъ головой.
 Постигнешь ли пѣвца незапное волненье,
 Утрапа скорбная, изгнанье, започенье —
 «Тѣмъ лучше,» говоря любители искусствъ:
 «Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
 «И намъ ихъ передастъ.» Но щастіе поэта
 Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
 Когда боязненно безмолствуетъ оно...

— — — — —

V.

Here's a health to thee, Mary.

Пью за здравіе Мери,

Милой Мери моей.

Тихо заперъ я двери,

И одинъ безъ госшей

Пью за здравіе Мери.

Можно краше быть Мери,

Краше Мери моей,

Эпой маленькой Пери;

Но нельзя быть милѣй

Рѣзвой, ласковой Мери.

Будь же щаслива, Мери,

Солнце жизни моей!

Ни тоски, ни потери,

Ни ненаспливых дней

Пусть не въдаешь Мери.

VI.

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

*(Улица. Накрытый столъ. Нѣсколько пирующихъ
мущинъ и женщинъ.)*

Молодой челоѡкъ.

Почтенный предсѣдатель! я напoмню
О челоѡкѣ, очень намъ знакомомъ,
О томъ, чьи шушки, повѣсти смѣшныя,
Ошѡпы острые и замѣчанья,
Сшoль ѣдкія въ ихъ важности забавной,
Засшoльную бесѣду oживляли
И разгоняли мракъ, кошорый нынѣ
Зараза, гoспья наша, насылаешъ

На самые блестящіе умы.
 Тому два дня, нашъ общій хохотъ славиль
 Его рассказы; не возможно бытъ,
 Чшобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи
 Забыли Джексона! Его здѣсь кресла
 Стояшъ пусшыя, будшо ожидая
 Весельчака — но онъ ушелъ уже
 Въ холодныя, подземныя жилища...
 Хошя краснорѣчивѣйшій языкъ
 Не умолкалъ еще во прахѣ гроба;
 Но много насъ еще живыхъ, и намъ
 Причины нѣшъ печалишся. И шакъ
 Я предлагаю выпишъ въ его памяшъ
 Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
 Какъ будшо бѣ былъ онъ живъ.

П р е д с ѣ д а т е л ь.

Онъ выбылъ первый
 Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньи
 Мы выпьемъ въ честь его.

Молодой человекъ.

Да будетъ такъ!

(*Всѣ пьютъ молга.*)

Предсѣдатель.

Твой голосъ, милая, выводилъ звуки
Родимыхъ пѣсень съ дикимъ совершенствомъ;
Спой, Мери, намъ, уныло и просяжно,
Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились
Безумнѣе, какъ пошъ, кто отъ земли
Былъ оплученъ какимъ нибудь видѣньемъ.

Мери (*поетъ.*)

Было время, процвѣшала
Въ мирѣ наша сторона:
Въ воскресеніе бывала
Церковь Божія полна;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,
И сверкали въ свѣпломъ полѣ
Серпъ и быстрая коса.

Нынѣ церковь опустѣла ;
Школа глухо заперта ;
Нива праздно перезрѣла ;
Роща темная пуста ;
И селенье , какъ жилище
Погорѣлое , спойшь ;
Тихо все — одно кладбище
Не пущѣешь , не молчишь :

Поминутно мертвыхъ несяшь ,
И спенанія живыхъ
Боязливо Бога просяшь
Упокоишь души ихъ !
Поминутно мѣста надо ,
И могилы межъ собой ,
Какъ испуганное стадо ,
Жмутся тѣсной чередой !

Если ранняя могила
Суждена моей веснѣ ;

Ты, кого я такъ любила,
 Чья любовь опрада мнѣ,
 Я молю: не приближайся
 Къ тѣлу Дженни шы своей;
 Устъ умершихъ не касайся;
 Слѣдуй издали за ней.

И попомъ оставь селенье!
 Уходи куда нибудь,
 Гдѣ бь шы могъ души мученье
 Усладить и отдохнушь.
 И когда зараза минеть,
 Посѣти мой бѣдный прахъ;
 А Эдмонда не покинешь
 Дженни даже въ небесахъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Благодаримъ, задумчивая Мери,
 Благодаримъ за жалобную пѣсню!

Въ дни прежніе чума така жь, видно,
 Холмы и доли ваши посѣшила,
 И раздавались жалкія стenanья
 По берегамъ пошokовъ и ручьевъ,
 Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
 Сквозь дикій рай швоей земли родной;
 И мрачный годъ, въ кошорый пало сполько
 Ошважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жершвъ,
 Едва оставилъ память о себѣ
 Въ какой нибудь простой паспушьей пѣснѣ,
 Унылой и пріятной... Нѣшъ! ничшо
 Такъ не печалишъ насъ среди веселій,
 Какъ томный, сердцемъ повшоренный звукъ!

МЕРИ.

О, если бѣ никогда я не пѣвала
 Внѣ хижины родишелей своихъ!
 Они свою любили слушашъ Мери;
 Самой себѣ я, кажется, внимаю
 Поющей у родимаго порога —

Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ

Былъ голосомъ невинности...

Луиза.

Не въ модѣ

Теперь такія пѣсни! Но все жъ есть

Еще простыя души: рады шаять

Отъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣрятъ имъ.

Она увѣрена, что взоръ слезливый

Ея неопразимъ — а если бъ поже

О смѣхѣ думала своемъ, то вѣрно

Все бъ улыбалась. Вальсингамъ хвалилъ

Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ: вошь

Она и разстоналась. Ненавижу

Волось Шотландскихъ эпихъ желпизну.

Предсѣдатель.

Послушайте: я слышу спукъ колесъ!

*(Ѣдетъ телега, наполненная мертвыми
тѣлами. Негръ управляетъ ею.)*

Ага! Луизѣ дурно; въ ней, я думалъ,

По языку судя, мужское сердце.

Но шакъ-то: нѣжнаго слабѣй жестокой,
И страхъ живешь въ душѣ, страхами помимой!
Брось, Мери, ей воды въ лице. Ей лучше.

МЕРИ.

Сестра моей печали и позора,
Прилягь на грудь мою.

ЛУИЗА (приходя въ гувство.)

Ужасный демонъ

Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый...

Онъ звалъ меня въ свою шележку. Въ ней

Лежали мертвые — и лепeshали

Ужасную, невѣдомую рѣчь...

Скажице мнѣ: во снѣ ли эшо было?

Проѣхала ль шелега?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ну, Луиза,

Развеселись: хошь улица вся наша

Безмолвное убѣжище опъ смерти,

Пріюшь пировъ ничѣмъ невозмущимыхъ,

Но знаешь? эша черная шелега

Имѣешь право всюду разъѣзжать —
 Мы пропускашь ее должны! Послушай
 Ты, Вальсингамъ: для пресѣченья споровъ
 И слѣдствій женскихъ обмороковъ, спой
 Намъ пѣсню — вольную, живую пѣсню —
 Не грустную Шопландской вдохновенну,
 А буйную, вакхическую пѣснь,
 Рожденную за чашею кипящей.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Такой не знаю — но спою вамъ гимнь
 Я въ честь чумы: я написалъ его
 Прошедшей ночью, какъ распались мы.
 Мнѣ странная нашла охота къ рифмамъ
 Впервые въ жизни! Слушайте жь меня:
 Охрыпый голосъ мой приличенъ пѣснѣ.

МНОГІЕ.

Гимнь въ честь чумы! послушаемъ его!
 Гимнь въ честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (поетъ.)

Когда могущая зима,
 Какъ бодрый вождь, ведетъ сама
 На насъ космашья дружины
 Своихъ морозовъ и снѣговъ,
 Навспрѣчу ей прещаетъ каминь,
 И весель зимній жаръ пировъ.

Царица грозная, Чума
 Теперь идешь на насъ сама
 И льспишься жапвою богашой;
 И къ намъ въ окошко день и ночь
 Сшучишь могильною лопашой...
 Чшо дѣлашь намъ? и чѣмъ помочь?

Какъ опъ проказницы зимы,
 Запремся шакже опъ Чумы!
 Зажжемъ огни, нальемъ бокалы;
 Ушопимъ весело умы

И, заваривъ пиры да балы,
Возславимъ царствіе Чумы.

Есть упоеніе въ бою,
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнь и бурной шмы,
И въ Аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи Чумы.

Все, все, что гибелью грозить,
Для сердца смертнаго шайтъ
Неизъяснимы наслажденья —
Безсмертья, можешь быть, залогъ!
И щаспливъ шопъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣшаешь и вѣдаешь могъ.

И такъ — хвала тебѣ, Чума!
Намъ не спрашна могилы шма,
Насъ не смущишь швое призванье!

Бокалы пѣнимъ дружно мы,
И Дѣвы-Розы пѣемъ дыханье —
Бышь можешь — — полное Чумы!

(Входитъ старый священникъ.)

Священникъ.

Безбожный пиръ, безбожные безумцы!
Вы пиршесствомъ и пѣснями развраща
Ругаетесь надъ мрачной пишиной,
Повсюду смертію распространенной!
Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
Средь блѣдныхъ лицъ, молюсь я на кладбищъ,
А ваши ненавистные воспорги
Смущаютъ пишину гробовъ — и землю
Надъ мертвыми тѣлами попрысають!
Когда бы шариковъ и женъ моленья
Не освятили общей, смертной ямы —
Подумаешь могъ бы я, что нынче бѣсы
Погибшій духъ безбожника шерзають
И въ шму кромѣшную шашають со смѣхомъ.

Нѣсколько голосовъ.

Онъ мастерски объ адѣ говоришь!

Спупай, сшарикъ! спупай своей дорогой!

Священникъ.

Я заклинаю васъ свяшою кровью

Спасишеля, распяшаго за насъ:

Прервите пиръ чудовищный, когда

Желаеиъ вы вспрѣпишь въ небесахъ

Ушраченныхъ возлюбленныя души —

Сшупайше по своимъ домамъ!

Предсѣдатель.

Домѣ

У насъ печальны — юношѣ любишь радость.

Священникъ.

Ты ль эшо, Вальсингамъ? шы ль самый шопъ,

Кшо при шому недѣли, на колѣнахъ,

Трупъ машери, рыдая, обнималъ

И съ воплемъ бился надъ ея могилой?

Иль думаешь: она теперь не плачешъ,

Не плачешъ горько въ самыхъ небесахъ,

Взирая на пирующего сына
 Въ пиру разврата, слыша голосъ твой,
 Поющій бѣшенныя пѣсни между
 Мольбы свяшой и тяжкихъ воздыханій?
 Спупай за мной!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Зачѣмъ приходишь ты
 Меня превозишь? Не могу, не долженъ
 Я за тобой итти: я здѣсь удержанъ
 Опчаяньемъ, воспоминаньемъ страшнымъ,
 Сознаньемъ беззаконья моего,
 И ужасомъ той мерзвой пустоши,
 Которую въ моемъ дому встрѣчаю —
 И новостью сихъ бѣшенныхъ веселій,
 И благодатнымъ ядомъ этой чаши,
 И ласками (проси меня Господь)
 Погибшаго, но милаго созданья...
 Тѣнь машери не вызоветъ меня
 Ошселъ — поздно — слышу голосъ твой,
 Меня зовущій — признаю усилья

Меня спаси... старикъ! иди же съ миромъ;
Но прокляшъ будь, кто за шобой пойдешъ!

Многіе.

Bravo, bravo! доспойный предсѣдатель!
Вошъ проповѣдь тебѣ! пошелъ! пошелъ!

Священникъ.

Машильды чистый духъ тебѣ зовешъ!

Предсѣдатель (встаетъ.)

Клянись же мнѣ, съ подняшой къ небесамъ,
Увядшей, блѣдною рукой, оставишь
Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
О, если бѣ опъ очей ея безсмертныхъ
Скрышь эшо зрѣлище! Меня когда-то
Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
И знала рай въ обѣщаніяхъ моихъ...
Гдѣ я? Святое чадо свѣта! вижу
Тебя я шамъ, куда мой падшій духъ
Не досягнешъ уже...

Женскій голосъ.

Онъ сумасшедшій:

Онъ бредитъ о женѣ похороненной!

Священникъ.

Пойдемъ, пойдемъ...

Предсѣдатель.

Опець мой, ради Бога,
Оспавь меня!

Священникъ.

Спаси тебя Господь!

Проспи, мой сынъ. (*Уходитъ. Пиръ продол-
жается. Предсѣдатель остается,
погруженный въ глубокую задум-
чивость.*)

VII.

С О Н Е Т Ъ.

Scorn not the sonnet critic.

WORDSWORTH.

Суровый Дантъ не презираль сонета;
 Въ немъ жаръ любви Пепрарка изливаль;
 Игру его любилъ шворецъ Макбеша;
 Имъ скорбну мысль Камознсь облакаль.

И въ наши дни плѣняеть онъ поэта:
 Вордсворпъ его орудіемъ избралъ,
 Когда вдали отъ суетнаго свѣта
 Природы онъ рисуеть идеаль.

Подъ сѣною горъ Тавриды опдаленной
 Пѣвецъ Липвы въ размѣръ его спѣсенной
 Свои мечты мгновенно заключалъ.

У насъ еще его не знали дѣвы,
 Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
 Гекзаметра священные напѣвы.

VIII.

Б Ъ С Ы.

Мчатся тучи, вьются тучи;

Невидимкою луна

Освѣщаетъ снѣгъ лепучій;

Мутно небо, ночь мутна.

Ѣду, Ѣду въ чистомъ полѣ;

Колокольчикъ динь-динь-динь...

Страшно, страшно поневолѣ

Средь невѣдомыхъ равнинъ!

Эй, пошёлъ, ямщикъ!... «Нѣтъ мочи:

« Конямъ, баринъ, тяжело;

« Вьюга мнѣ слипаетъ очи;

« Всѣ дороги занесло;

« Хоть убей, слѣда не видно;

« Сбились мы. Чшо дѣлать намъ!

« Въ полѣ бѣсъ насъ водишь, видно,

« Да кружишь по сторонамъ.

« Посмотри: вонъ, вонъ играешь,

« Дуешь, плюешь на меня;

« Вонъ — шеперь въ оврагъ шолкаешь

« Одичалаго коня;

« Тамъ версшою небывалой

« Онъ торчалъ передо мной;

« Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой

« И пропалъ во тмѣ пустой. »

Мчашся тучи, выюшся тучи;
 Невидимкою луна
 Освѣщаетъ снѣгъ лешучій;
 Мутно небо, ночь мутна.
 Силь намъ нѣшь кружишься долѣ;
 Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
 Кони спали... — Чшо тамъ въ полѣ? —
 «Кшо ихъ знаетъ? пень иль волкъ?»

Вьюга злишся, вьюга плачетъ;
 Кони чуткіе храпятъ;
 Вонъ ужъ онъ далече скачетъ;
 Лишь глаза во мглѣ горятъ;
 Кони снова понеслися;
 Колокольчикъ динь-динь-динь...
 Вижу: духи собралися
 Средь бѣляющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,

Въ мушной мѣсяца игрѣ

Закружились бѣсы разны,

Будто лисья въ ноябрѣ...

Сколько ихъ! куда ихъ гоняшь?

Что такъ жалобно поюшь?

Домоваго ли хороняшь,

Вѣдьму ль замужъ выдаюшь?

Мчаться пучи, вьются пучи;

Невидимкою луна

Освѣщаетъ снѣгъ лепучій;

Мушно небо, ночь мушна,

Мчаться бѣсы рой за роемъ

Въ безпредѣльной вышинѣ,

Визгомъ жалобнымъ и воемъ

Надрывая сердце мнѣ...

IX.

ЦАРКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну съ водой уронивъ, объ утѣсь ее дѣва разбила.
 Дѣва печально сидишь, праздный держа черепокъ.
 Чудо! не сякнешь вода, изливаясь изъ урны разбишой;
 Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидишь.

Х.

НА ПЛОТРОКЪ.

Неводъ рыбакъ разспилалъ по берегу студенаго моря;
Мальчикъ ошцу помогаль. Опрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидають, иныя заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ Царямъ.

XI.

Р И Ф М А.

Эхо, безсонная Нимфа, скишалась по берегу Пеней.

Фебъ, увидѣвъ ее, спраспїю къ ней воспылалъ.

Нимфа плодъ понесла воспорговъ влюбленнаго бога;

Межъ говорливыхъ Наядъ, мучась, она родила

Милую дочь. Ее прїяла сама Мнемозина.

Рѣзвая дѣва росла въ хорѣ богинь-аонидъ,

Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,

Музамъ мила; на землѣ Рифмой зовешся она.

XII.

НА ПЕРЕВОДЪ ИЛІАДЫ.

Слышу умолкнувшій звукъ божеспвенной Эллин-
ской рѣчи ;

Старца великаго шѣнь чую смущенной душой.

XIII.

Т Р У Д Ъ.

Мигъ вождельный наспаль: оконченъ мой трудъ
многолѣшній.

Что жъ непонятная грусть шайно прѣвожишь
меня?

Или, свой подвигъ свершивъ, я спою, какъ по-
денщикъ ненужный,

Плапу пріявшій свою, чуждый работъ другой?

Или жаль мнѣ пруда, молчаливаго спутника ночи,

Друга Авроры злшой, друга Пенашовъ свяшыхъ?

XIV.

МОЦАРТЪ И САЛЬЕРИ.

С Ц Е Н А I.

(Комната.)

САЛЬЕРИ.

Всѣ говоряшь : нѣтъ правды на землѣ.
 Но правды нѣтъ — и выше. Для меня
 Такъ это ясно, какъ просная гамма.
 Родился я съ любовію къ искусству;
 Ребенкомъ будучи, когда высоко
 Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
 Я слушалъ и заслушивался — слезы

Невольныя и сладкія шекли.
 Отвергъ я рано праздныя забавы;
 Науки, чуждыя музыкъ, были
 Посылы мнѣ; упрямо и надменно
 Отъ нихъ опрекся я и предался
 Одной музыкъ. Трудень первый шагъ
 И скучень первый путь. Преодолю
 Я раннія невзгоды. Ремесло
 Поспавиль я подножіемъ искусству;
 Я сдѣлался ремесленникъ: персшамъ
 Придалъ послушную, сухую бѣглосъ
 И вѣрносъ уху. Звуки умершвивъ,
 Музыку я разъялъ, какъ шрупъ. Повѣрилъ
 Я алгеброй гармонію. Тогда
 Уже дерзнулъ, въ наукъ искушенный,
 Предаться нѣгѣ шворческой мечшы.
 Я спалъ шворишь, но въ пишинѣ, но вшайнѣ,
 Не смѣя помышлять еще о славѣ.
 Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
 Два, три дня, позабывъ и сонъ и пищу,

Вкусивъ воспоргъ и слезы вдохновенья,
 Я жегъ мой прудъ и холодно смогрѣлъ,
 Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
 Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали.

Что говорю? Когда великій Глюкъ

Явился и открылъ намъ новы тайны

(Глубокія, пѣнишельныя тайны),

Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,

Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ,

И не пошелъ ли бодро вслѣдъ за нимъ

Безропно, какъ топъ, кто заблуждался

И вспрѣчнымъ посланъ въ спорону иную?

Усильнымъ, напряженнымъ поспоянствомъ

Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ

Достигнулъ степени высокой. Слава

Мнѣ улыбнулась; я въ сердцахъ людей

Нашелъ созвучія своимъ созданьямъ.

Я щасливъ былъ: я наслаждался мирно

Своимъ прудомъ, успѣхомъ, славой; также

Трудами и успѣхами друзей,

Товарищѣй моихъ въ искусствѣ дивномъ,
 Нѣтъ! никогда я зависти не зналъ,
 О, никогда! — ниже, когда Пиччини
 Плѣнишь умѣлъ слухъ дикихъ Парижанъ,
 Ниже, когда услышалъ въ первый разъ
 Я Ифигеніи начальны звуки.
 Кто скажешь, чѣмъ Сальери гордый былъ
 Когда нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
 Змѣей, людьми распотшанною, вживѣ
 Песокъ и пыль грызущею безсильно?
 Никто!... А нынѣ — самъ скажу — я нынѣ
 Завистникъ. Я завидую; глубоко,
 Мучительно завидую. — О небо!
 Гдѣ жъ правоша, когда священный даръ,
 Когда безсмершный геній — не въ награду
 Любви горящей, самоотверженья,
 Трудовъ, усердія, моленій посланъ —
 А озаряешь голову безумца,
 Гуляки празднаго?... О Моцартъ, Моцартъ!

(Входитъ Моцартъ.)

Моцартъ.

Ага! увидѣль ты! а мнѣ хотѣлось
Тебя неожиданой шумкой угостить.

Сальери.

Ты здѣсь! — Давно ль?

Моцартъ.

Сей часъ. Я шель къ тебѣ,
Несъ кое-что тебѣ я показать;
Но, проходя передъ пракширомъ, вдругъ
Услышалъ скрипку... Нѣтъ, мой другъ, Сальери!
Смѣшнѣе опроду ты ничего
Не слыхивалъ... Слѣпой скрипачъ въ пракширь
Разыгрывалъ voi che sapete. Чудо!
Не вышерпѣлъ, привелъ я скрипача,
Чтобъ угостить тебя его искусствомъ.
Войди!

(Входитъ слѣпой старикъ со скрипкой.)

Изъ Моцарта намъ что нибудь!

(Старикъ играетъ арію изъ Донъ-Жуана;

Моцартъ хохочетъ.)

САЛЬЕРИ.

И ты смѣяться можешь?

МОЦАРТЪ.

Ахъ, Сальери!

Уже ль и самъ ты не смѣешься?

САЛЬЕРИ.

Нѣшъ,

Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный

Мнѣ пачкаетъ Мадону Рафаэля,

Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный

Пародіей безчеспишъ Алигьери.

Пошѣль, сшарикъ.

МОЦАРТЪ.

Поспой же: вошь тебѣ,

Пей за мое здоровье.

(Старикъ уходитъ.)

Ты, Сальери,

Не вдухъ нынче. Я приду къ тебѣ

Въ другое время.

САЛЬЕРИ.

Чшо ты мнѣ принесть?

МОЦАРТЪ.

Нѣтъ — такъ, бездѣлицу. Намедни ночью

Безсонница моя меня томила,

И въ голову пришли мнѣ двѣ, три мысли.

Сегодня ихъ я набросалъ. Хотѣлось

Твое мнѣ слышать мнѣнье; но теперъ

Тебѣ не до меня.

САЛЬЕРИ.

Ахъ, Моцартъ, Моцартъ!

Когда же мнѣ не до тебя? Садись;

Я слушаю.

МОЦАРТЪ (за фортепiано.)

Представь себѣ... кого бы?

Ну, хотъ меня — немного помоложе;

Влюбленного — не слишкомъ, а слегка —

Съ красочкой, или съ другомъ — хотъ съ тобой —

Я веселъ... Вдругъ: видѣнье гробовое,

Незапный мракъ иль что нибудь шакое...

Ну, слушай же.

(Играетъ.)

Сальери.

Ты съ этимъ шель ко мнѣ
И могъ остано́виться у трактира
И слушать скрипача слѣпаго! — Боже!
Ты, Моцартъ, недостойнъ самъ себя.

Моцартъ.

Что жъ, хорошо?

Сальери.

Какая глубина!

Какая смѣлость и какая смѣлость!

Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;

Я знаю, я.

Моцартъ.

Ба! право? можешь бышь...

Но божество мое проголодалось.

Сальери.

Послушай: отобѣдаемъ мы вмѣстѣ

Въ трактиръ Золотого Льва.

Моцартъ.

Пожалуй;

Я радъ. Но дай, схожу домой, сказашь
Женѣ, чптобы меня она къ обѣду
Не дожидалась.

(Уходитъ.)

Сальери.

Жду тебя; смотри жъ.

Нѣтъ! не могу пропивишься я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чптобъ его
Оспановишь — не то, мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служишели музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой...
Чпто пользы, если Моцартъ будешь живъ
И новой вышины еще доспигнешь?
Подынешь ли онъ шѣмъ искусство? Нѣтъ;
Оно падешь оцашь, какъ онъ исчезнешь:
Наслѣдника намъ не оставишь онъ.
Чпто пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,

Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсень райскихъ,
 Чшобъ, возмущивъ безкрылое желанье
 Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улещѣть!
 Такъ улещай же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Вопь ядъ, послѣдній даръ моей Изоры.
 Осьмнадцать лѣтъ ношу его съ собою —
 И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
 Несносной раной, и сидѣлъ я часто
 Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой,
 И никогда на шепотъ искушенья
 Не преклонился я, хоть я не шрусъ,
 Хоть обиду чувствую глубоко,
 Хоть мало жизнь люблю. Все медлилъ я.
 Какъ жажда смерти мучила меня;
 Что умирашь? я мнилъ: бышь можешь, жизнь
 Мнѣ принесетъ незапные дары;
 Бышь можешь, посыпши меня восторгъ
 И творческая ночь и вдохновенье;
 Бышь можешь, новый Гайдень сотворишь

Великое — и наслажуся имъ...

Какъ пироваль я съ гостемъ ненависнымъ;

Бышь можешь, мнилъ я, злѣйшаго врага

Найду; бышь можешь, злѣйшая обида

Въ меня съ надменной грянешь вышины —

Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.

И я былъ правъ! и наконецъ нашель

Я моего врага, и новый Гайдень

Меня восшоргомъ дивно упоилъ!

Теперь — пора! Завѣтный даръ любви,

Переходи сегодня въ чашу дружбы.

СЦЕНА II.

(Особая комната въ трактирѣ; фортепіано.)

Моцартъ и Сальери *(за столомъ.)*

Сальери.

Что ты сегодня пасмурень?

Моцартъ.

Я? Нѣтъ!

Сальери.

Ты вѣрно, Моцартъ, чѣмъ нибудь разстроень?

Обѣдъ хорошій, славное вино,

А ты молчишь и хмуришься.

Моцартъ.

Признайся,

Мой Requiem меня превожитъ.

Сальери.

А!

Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

Моцартъ.

Давно, недѣли три. Но странный случай...

Не сказывалъ тебѣ я?

Сальери.

Нѣтъ.

Моцартъ.

Такъ слушай:

Недѣли три тому, пришелъ я поздно

Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ

За мною кто-то. Опъ чего — не знаю,

Всю ночь я думалъ: кто бы это былъ?

И что ему во мнѣ? Назавтра тотъ же

Зашелъ и не засталъ опять меня.

На третій день игралъ я на полу

Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня;

Я вышелъ. Человѣкъ, одѣтый въ черномъ,

Учтиво поклонившись, заказалъ

Мнѣ Requiem и скрылся. Сълъ я тотчасъ

И сжалъ писать — и съ той поры за мною

Не приходилъ мой черный человѣкъ;

А я и радъ: мнѣ было бѣ жаль разсѣпаться
 Съ моей работою, хоть совсѣмъ гошовъ
 Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я...

САЛЬЕРИ.

Чшо?

МОЦАРТЬ.

Мнѣ совѣспно признашся въ эпюмъ...

САЛЬЕРИ.

Въ чемъ же?

МОЦАРТЬ.

Мнѣ день и ночь покоя не даешъ
 Мой черный челоуѣкъ. За мною всюду
 Какъ тѣнь онъ гонится. Вошъ и теперь
 Мнѣ кажешся, онъ съ нами сампешей
 Сидишъ.

САЛЬЕРИ.

И, полно! чшо за страхъ ребячій?

Разсѣй пустую думу. Бомарше
 Говариваль мнѣ: «слушай, брашъ Сальери,
 Какъ мысли черныя къ тебѣ придуть,

Ошкупори Шампанскаго бушылку,
Иль перечши женишьбу Фигаро. »

Моцартъ.

Да! Бомарше вѣдь былъ шебѣ пріятель;
Ты для него Тарара сочинилъ,
Вещь славную. Тамъ есть одинъ моштивъ...
Я все швержу его, когда я щаспливъ...
Ла ла ла ла... Ахъ, правда ли, Сальери,
Чшо Бомарше кого-шо оправиль?

Сальери.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшёнъ
Для ремесла шакого.

Моцартъ.

Онъ же геній,
Какъ ты, да я. А геній и злодѣйство
Двѣ вещи несовмѣстныя. Не правда ль?

Сальери.

Ты думаешь?

(Бросаетъ лѣдъ въ стаканъ Моцарта.)

Ну, пей же.

МОЦАРТЪ.

За швое
Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
Связующій Моцарша и Сальери,
Двухъ сыновей гармоніи.

(Пьетъ.)

САЛЬЕРИ.

Постой,
Постой, постой!... Ты выпилъ!... безъ меня?

МОЦАРТЪ (бросаетъ салфетку на столъ.)
Довольно, сышъ я.

(Идетъ къ фортепіано.)

Слушай же, Сальери,
Мой Requiem. (Играетъ.)

Ты плачешь?

САЛЬЕРИ.

Эти слезы
Впервые лью: и больно и пріятно,
Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ опсѣкъ

Спрадавшій члень! Другъ Моцартъ, эти слезы...
 Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
 Еще наполнишь звуками мнѣ душу...

Моцартъ.

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
 Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бь не могъ
 И міръ существовать; никто бь не спалъ
 Забоишься о нуждахъ низкой жизни;
 Всѣ предались бы вольному искусству.
 Насъ мало избранныхъ, щастливцевъ праздныхъ,
 Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
 Единого прекраснаго жрецовъ.
 Не правда ль? Но я нынче нездоровъ,
 Мнѣ что-то тяжело; пойду, засну.
 Прощай же.

Сальери.

До свиданья.

(Одинъ.)

Ты заснешь

Надолго, Моцартъ! Но ужель онъ правъ,

И я не геній? Геній и злодѣйство

Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:

А Бонароппи? Или это сказка

Тупой, безсмысленной толпы — и не былъ

Убійцею создатель Вашикана?

XV.

НОВОСЕЛЬЕ.

Благословляю новоселье,
Куда домашній свой кумиръ
Ты перенесъ — а съ нимъ веселье,
Свободный прудъ и сладкій миръ.
Ты щаспливъ : ты свой домикъ малой,
Обычай мудрости храня,
Опъ злыхъ заботъ и лѣни вялой
Заспиховаль, какъ опъ огня.

XVI.

Ц Ы Г А Н Ы.

Надъ лѣсистыми брегами,
Въ часъ вечерней тишины,
Шумъ и пѣсни подъ шашрами,
И огни разложены.

Здравствуй, щастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы самъ въ иное время
Провождаль сіи шашры.

Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдеть ужъ вашъ поэтъ.

Онъ бродящіе ночлеги
И проказы старины
Позабылъ для сельской нѣги
И домашней пишины.

XVII.

ОТВѢТЪ.

Я васъ узналъ, о мой оракуль!
Не по узорной песнотѣ
Сихъ недописанныхъ каракуль;
Но по веселой оспотѣ,
Но по привѣтствіямъ лукавымъ,
Но по насмѣшливости злой
И по упрекамъ... столь неправымъ
И этой прелести живой.
Съ тоской невольной, съ восхищеньемъ
Я перечисываю васъ
И восклицаю съ нестерпѣньемъ:
Пора! въ Москву! въ Москву сей часъ!

Здѣсь городъ чопорный, унылой,
Здѣсь рѣчи — ледь, сердца — гранишь;
Здѣсь нѣтъ ни въпреноси милой,
Ни музъ, ни Пр..., ни харишь.

XVIII.

М А Д О Н А.

Не множествомъ карпинъ спаринныхъ масперовъ
Украшать я всегда желалъ свою обитель,
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣпшель,
Внимая важному сужденью знапоковъ.

Въ простомъ углу моемъ, средь медленныхъ шрудовъ,
Одной каршины я желалъ бышь вѣчно зришель,
Одной: чтобъ на меня съ холста, какъ съ облаковъ,
Пречислая и нашъ божесшвенный Спаситель —

Она съ величіємъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ —
Взирали, крошкіе, во славѣ и въ лучахъ,
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою Сіона.

Исполнились мои желанія. Творецъ
Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадона,
Чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ.

Она съ вѣнчаніемъ. Она съ разлукою въ снѣгъ —
Внѣдранъ, вѣнчаніе, но снѣгъ и въ снѣгъ,
Они, бѣдъ Ангеловъ, подъ павшимъ Сномъ.

Нечетивые мои жемчужныя. Творцы
Тѣмъ мнѣ нечестивымъ, шедъ, мои блудныя,
Нечетивые нечестивые, нечестивые образы.

Копіе мое, нечестивые, нечестивые образы,
Они, бѣдъ Ангеловъ, подъ павшимъ Сномъ,
Нечетивые нечестивые, нечестивые образы.

1831.

1681

I.

Э Х О.

Ревешь ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
 Трубишь ли рогъ, гремишь ли громъ,
 Поешь ли дѣва за холмомъ —

На всякой звукъ
 Свой опкликъ въ воздухъ пущомъ
 Родишь ты вдругъ.

Ты внимаешь грохоту громовъ,
 И гласу бури и валовъ,
 И крику сельскихъ пастуховъ —

И шлешь отвѣтъ;

Тебѣ жъ нѣтъ отвѣта... Таковъ

И ты, поэтъ!

II.

КЛЕВЕТНИКАМЪ РОССІИ.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
 Зачѣмъ анаѣмой грозите вы Россіи?
 Что возмушило васъ? волненія Липвы?
 Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
 Домашній, спарый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,
 Вопросъ, кошораго не разрѣшите вы.

Уже давно между собою
 Враждуютъ эти племена;
 Неразь клонилась подъ грозою
 То ихъ, то наша спорона.
 Кто успоитъ въ неравномъ спорѣ:
 Кичливый Ляхъ, иль вѣрный Россъ?
 Славянскіе ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ?
 Оно ль изсякнетъ? вошь вопросъ.

Оставыте насъ: вы не чилили
 Сіи кровавыя скрижали;
 Вамъ непоняшна, вамъ чужда
 Сія семейная вражда;
 Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
 Безмысленно прельщаетъ васъ
 Борьбы опчаянной опвага —
 И ненавидите вы насъ...

Зачто жъ? отвѣстуйте: за то ли,
 Что на развалинахъ пылающей Москвы,
 Мы не признали наглою воли
 Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
 За то ль, что въ бездну повалили
 Мы стягопьющій надъ царствами кумиръ,
 И нашей кровью искупили
 Европы вольность, честь и миръ?

Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
 Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
 Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
 Иль Русскаго Царя уже безсильно слово?
 Иль намъ съ Европой спорить ново?
 Иль Русскій ошъ побѣдъ ошвыкъ?
 Иль мало насъ? Или ошъ Перми до Тавриды,
 Ошъ Финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,

Отъ потрясеннаго Кремля
 До спѣнь недвижнаго Кишая,
 Спальной щетиною сверкая,
 Не встанетъ Русская земля?
 Такъ высылайте жъ намъ, вишіи,
 Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
 Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
 Среди нечуждыхъ имъ гробовъ.

III.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великій день Бородина

Мы брашской призной поминая,

Твердили: «шли же племена,

« Бѣдой Россіи угрожая;

« Не вся ль Европа шухъ была?

« А чья звѣзда ее вела!...

« Но спали жъ мы пятою швѣрдой,

« И грудью приняли напоръ

« Племень, послушныхъ волѣ гордой,

« И равень былъ неравный споръ.

« И чшо жь? свой бѣдспвенный побѣгъ,
 « Кичась, они забыли нынѣ;
 « Забыли Русскій штыкъ и снѣгъ,
 « Погребшій славу ихъ въ пустынѣ.
 « Знакомый пиръ ихъ манишь вновь —
 « Хмѣльна для нихъ Славяновъ кровь:
 « Но тяжко будетъ имъ похмѣлье;
 « Но дологъ будетъ сонъ госпей
 « На тѣсномъ, хладномъ новосельѣ,
 « Подъ лакомъ сѣверныхъ полей!

« Ступайте жь къ намъ: васъ Русь зовешъ!
 « Но знайте, прошенные гости!
 « Ужь Польша васъ не поведешъ:
 « Черезъ ея шагнете коеши!... »
 Сбылось — и, въ день Бородина,

Вновь наши вшорглись знамена
 Въ проломы падшей вновь Варшавы;
 И Польша, какъ бѣгущій полкъ,
 Во прахъ бросаетъ стягъ кровавый —
 И бунтъ раздавленный умолкъ.

Въ бореньѣ падшій невредимъ;
 Враговъ мы въ прахъ не топтали;
 Мы не напомнимъ нынѣ имъ
 Того, что старыя скрижали
 Храняшь въ преданіяхъ нѣмыхъ;
 Мы не сожжемъ Варшавы ихъ;
 Они народной Немезиды
 Не узрятъ гнѣвнаго лица,
 И не услышатъ пѣснь обиды
 Отъ лиры Русскаго пѣвца.

Но вы, мучители палаць,
 Легкоязычные вишіи,
 Вы, черни бѣдственныи набатъ,
 Клевешники, враги Россіи!
 Чшо взяли вы?... Еще ли Россѣ
 Больной, разслабленный колоссъ?
 Еще ли сѣверная слава
 Пустая припча, лживый сонъ?
 Скажите: скоро ль намъ Варшава
 Предпишетъ гордый свой законъ?

Куда отпвинемъ спрой твердынь?
 За Бугъ, до Ворсклы, до Лимана?
 За кѣмъ останешся Волянь?
 За кѣмъ наслѣдіе Богдана?
 Признавъ мяшежныя права,

Отъ насъ отторгнется ль Лишва?
 Нашъ Кіевъ дряхлый, жапоглавый,
 Сей пращуръ Русскихъ городовъ,
 Сроднишь ли съ буйною Варшавой
 Святыню всѣхъ своихъ гробовъ?

Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
 Смущили ль Русскаго Владыку?
 Скажите, кто главою поникъ?
 Кому вѣнецъ: мечу иль крику?
 Сильна ли Руѣ? Война, и морь,
 И бунтъ, и вѣшнихъ бурь напоръ
 Ее, бѣснуясь, потрясали —
 Смогрише жь: все споишь она!
 А вокругъ нея волненья пали —
 И Польши участь рѣшена...

Побѣда! сердцу сладкій часъ!
 Россія! встань и возвышайся!
 Греми, восторговъ общій гласъ!
 Но тише, тише раздавайся.
 Вокругъ одра, гдѣ Онъ лежитъ,
 Могучій мститель злыхъ обидъ,
 Кто покорилъ вершины Тавра,
 Предъ кѣмъ смирилась Эривань,
 Кому Суворовскаго лавра
 Вѣнокъ сплела тройная брань.

Возставъ изъ гроба своего,
 Суворовъ видишь плѣнь Варшавы:
 Воспрепещала тѣнь его
 Ошъ блеска имъ начашой славы!
 Благословляетъ онъ, Герой,

Твое спраданье, швой покой,
 Твоихъ сподвижниковъ опвагу,
 И вѣспѣ шріумфа швоего,
 И съ ней лепящаго за Прагу
 Младаго внука своего.

IV.

СКАЗКА

*о Царѣ Салтанѣ, о сынѣ его славномъ и могу-
земъ богатырѣ Князѣ Гвидонѣ Салтановицѣ и о
прекрасной Царевнѣ Лебеди.*

Три дѣвицы подѣ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говоришь одна дѣвица,
То сама на весь бы міръ
Пригошнила я пирь.
Кабы я была царица,
Говоришь ея сестрица,

То на весь бы міръ одна
 Нашкала я полошна.
 Кабы я была царица,
 Третья молвила сестрица,
 Я бь для батюшки-царя
 Родила богатыря.

Только вымолвишь успѣла,
 Дверь тихонько заскрипѣла,
 И въ свѣшлицу входишь царь,
 Спороны шой государь.
 Во все время разговора
 Онъ сшоялъ позадь забора;
 Рѣчь послѣдней по всему
 Полюбилася ему.
 Здравствуй, красная дѣвица,
 Говоришь онъ, будь царица
 И роди богатыря
 Мнѣ къ исходу сенсября.
 Вы жь, голубушки-сестрицы,

Выбирайшесь изъ свѣтлицы,
 Повзжайше вслѣдъ за мной,
 Вслѣдъ за мной и за сестрой:
 Будь одна изъ васъ шкачиха,
 А другая повариха.

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
 Всѣ пустились во дворецъ.
 Царь недолго собирался:
 Въ шопъ же вечеръ обвѣнчался.
 Царь Салшанъ за пиръ честной
 Съль съ царицей молодой;
 А попомъ честные госпи
 На кровать слоновой коспи
 Положили молодыхъ
 И оставили однихъ.
 Въ кухнѣ злился повариха,
 Плачетъ у спанка шкачиха —
 И завидують онѣ
 Государевой женѣ.

А царица молодая,
Объщанье выполняя,
Съ той же ночи понесла.

Въ шѣ-поры война была.
Царь Салпанъ, съ женой простяся,
На добра-коня сядяся,
Ей наказывалъ себя
Побережь, его любя.

Между шѣмъ, какъ онъ далёко
Бьётся долго и жестоко,
Насхупаетъ срокъ родинъ;
Сына Богъ имъ даль въ аршинъ,
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ;
Шлеть съ письмомъ она гонца,
Чшобъ обрадовапъ отца.

А шкачиха съ поварихой,
Съ свашьей бабой Бабарихой,
Извѣсти ее хошяпъ,

Перезлшъ гонца веляшъ;
 Сами шлюшъ гонца другова
 Вошъ съ чѣмъ опъ слова до слова:
 « Родила царица въ ночь
 « Не по сына, не по дочь;
 « Не мышенка, не лягушку,
 « А невѣдому звѣрюшку. »

Какъ услышалъ царь-отецъ,
 Чшо донесъ ему гонецъ,
 Въ гнѣвѣ началъ онъ чудеситъ
 И гонца хошѣлъ повѣситъ;
 Но, смягчившись на сей разъ,
 Далъ гонцу такой приказъ:
 « Ждашъ царева возвращенья
 « Для законнаго рѣшенья. »

Ъдешъ съ грамошой гонецъ,
 И пріѣхалъ наконецъ.
 А ткачиха съ поварихой,

Съ свашьей бабой Бабарихой,
Обообращь его веляшь;
Допьяна гонца пояшь
И въ суму его пускую
Сують грамошу другую—
И привезь гонецъ хмѣльной
Въ шопъ же день приказъ такой:
«Царь велишь своимъ боярамъ,
Времени не спраша даромъ,
И царицу и приплодь
Тайно бросишь въ бездну водъ.»
Дѣлашь нечего: бояре,
Попуживъ о государѣ
И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой.
Объявили царску волю—
Ей и сыну злую долю,
Прочишали вслухъ указъ,
И царицу въ шопъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,

Засмолили, покашили

И пуспили въ Океанъ —

Такъ велѣль-де царь Салпанъ.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещушь,

Въ синемъ морѣ волны хлещушь;

Туча по небу идешь,

Бочка по морю плывешь.

Словно горькая вдовица,

Плачешь, бьешься въ ней царица;

И роснешь ребенокъ шамъ

Не по днямъ, а по часамъ.

День прошелъ, царица вопишь...

А дишь волну шоропишь:

«Ты, волна моя, волна!

«Ты гульлива и вольна;

«Плещешь ты, куда захочешь,

«Ты морскіе камни почишь,

«Топишь берегъ ты земли,

«Подымаешь корабли —

«Не губи ты нашу душу:

«Выплесни ты насъ на сушу!»

И послушалась волна:

Тутъ же на берегъ она

Бочку вынесла легонько,

И опхлынула пихонько.

Мать съ младенцемъ спасена;

Землю чувствуешь она.

Но изъ бочки кто ихъ вынешь?

Богъ не ужь-то ихъ покинешь?

Сынъ на ножки поднялся,

Въ дно головкой уперся,

Понашужился немножко:

Какъ бы здѣсь на дворъ окошко

Намъ продѣлать? молвилъ онъ,

Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Мать и сынъ теперь на волю;

Видяшь холмъ въ широкомъ полѣ;

Море синее кругомъ,

Дубъ зеленый надъ холмомъ.
Сынъ подумаль : добрый ужинъ
Быль бы намъ однако нуженъ.
Ломишь онъ у дуба сукъ
И въ пугой сгибаешь лукъ,
Со креста снурокъ шелковой
Нашянуль на лукъ дубовой,
Тонку проточку сломилъ
Спрѣлкой легкой завосприль,
И пошелъ на край долины
У моря искашь дичины.

Къ морю лишь подходитъ онъ,
Вопъ и слышишь будто стонъ...
Видно на моръ не тихо;
Смопришь — видишь дѣло лихо :
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршунъ носится надъ ней;
Та бѣдняжка такъ и плещетъ,
Воду вокругъ мушитъ и хлещетъ...

Топъ ужъ когти разпустилъ,
Клевъ кровавый навострилъ...
Но какъ разъ стрѣла запѣла,
Въ шею коршуна задѣла —
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ;
Смотришь: коршунъ въ морѣ понесъ
И не пичьимъ крикомъ спонесъ,
Лебедь около плывесъ,
Злаго коршуна клюесъ,
Гибель близкую поропишь,
Бьесъ крыломъ и въ море шопишь —
И царевичу попомъ
Молвишь Русскимъ языкомъ:
Ты, царевичъ, мой спасишель,
Мой могучій избавишель,
Не шужи, что за меня
Бсѣ не будешь ты при дня,
Что стрѣла пропала въ морѣ;
Эшо горе — все не горе.

Ошплачу тебѣ добромъ,
 Сослужу тебѣ попомъ:
 Ты не лебедь вѣдь избавилъ,
 Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
 Ты не коршуна убилъ,
 Чародѣя подспрѣлилъ.
 Ввѣкъ тебя я не забуду:
 Ты найдешь меня повсюду,
 А теперъ ты ворошись,
 Не горюй и спать ложись.

Улетѣла лебедь-птица,
 А царевичъ и царица,
 Цѣлый день проведши такъ,
 Лечь рѣшились нашоцакъ.
 Вошъ открылъ царевичъ очи;
 Ошрясая грѣзы ночи
 И дивясь, передъ собой
 Видишь городъ онъ большой,
 Стѣны съ частыми зубцами

И за бѣлыми снѣгами
Блещушь маковки церквей
И святыхъ монастырей.
Онъ скорѣй царицу будишь;
Та какъ ахнешь! . . . То ли будетъ?
Говоришь онъ, вижу я:
Лебедь пѣшился моя.
Мать и сынъ идушь ко граду.
Лишь спутили за ограду,
Оглушительный презвонъ
Поднялся со всѣхъ споронъ:
Къ нимъ народъ навспрѣчу валишь,
Хоръ церковный Бога хвалишь;
Въ колымагахъ золошыхъ
Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
Всѣ ихъ громко величаютъ
И царевича вѣнчаютъ
Княжей шапкой, и главой
Возглашаютъ надъ собой:
И среди своей споллицы,

Съ разрѣшенія царицы,
 Въ шопъ же день спалъ княжитъ онъ
 И нарекса: князь Гвидонъ.

Въперъ на моръ гуляешъ
 И корабликъ подгоняешъ:
 Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
 На раздушыхъ парусахъ.
 Корабельщики дивяшся,
 На корабликъ толпяшся,
 На знакомомъ острову
 Чудо видяшъ наяву:
 Городъ новый злагоглавой,
 Пристань съ крѣпкою заславой —
 Пушки съ пристани паляшъ,
 Кораблю присташь веляшъ.
 Пристающъ къ засавѣ гости:
 Князь Гвидонъ зовешъ ихъ вгоспи,
 Ихъ онъ кормитъ и поитъ
 И отвѣтъ держашъ велишъ:

Чѣмъ вы, госпи, шоргъ ведете,
И куда шеперь плывете?
Корабельщики въ опивѣшъ:
Мы объѣхали весь свѣшъ,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А шеперь намъ вышелъ срокъ,
Ѣдемъ прямо на воспокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана...
Князь имъ вымолвилъ тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по океану
Къ славному царю Салтану;
Ошъ меня ему поклонъ.
Госпи въ путь, а князь Гвидонъ
Съ берега душой печальной
Провожаетъ бѣгъ ихъ дальшой;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плывѣтъ.

Здравствуй, князь ты мой прекрасной!

Что ты пихь, какъ день ненастной?

Опечалился чему?

Говоришь она ему.

Князь печально отвѣчаетъ:

Грусть-шоска меня съдаешь,

Одолѣла молодца:

Видѣшь я бѣ хошѣль опца.

Лебедь князю: вопъ въ чемъ горе!

Ну, послушай: хочешь въ море

Полетѣшь за кораблѣмъ?

Будь же, князь, ты комаромъ.

И крылами замахала,

Воду съ шумомъ расплескала,

И обрызгала его

Съ головы до ногъ всего.

Тупъ онъ въ почку уменьшился,

Комаромъ оборошился,

Полетѣль и запищаль,

Судно на морѣ догналь,

Пошихонько опустился
На корабль — и въ щель забился.

Въперъ весело шумишь,
Судно весело бѣжишь
Мимо острова Буяна,
Къ царству славнаго Салтана,
И желанная спрана
Вошь ужъ издали видна.
Вошь на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зовешъ ихъ вгости —
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видишь: весь сіяя въ златѣ,
Царь Салтанъ сидишь въ палацѣ
На прешолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ;
А шкачиха съ поварихой,
Съ свашьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ

И въ глаза ему глядяшъ.
Царь Салпанъ госпей сажаешъ
За свой споль и вопрошаешъ:
Ой вы, госпи-господа,
Долго-ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣшъ чудо?
Корабельщики въ ошвѣшъ:
Мы объѣхали весь свѣшъ;
За моремъ житье нехудо,
Въ свѣшъ жь вошъ какое чудо:
Въ морѣ оспровъ былъ крушой,
Не привольный, не жилой;
Онъ лежалъ пустой равниной;
Росъ на немъ дубокъ единой;
А шеперь споишъ на немъ
Новый городъ со дворцемъ,
Съ златоголавными церквами,
Съ теремами и садами,
А сидишъ въ немъ князь Гвидонъ;

Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
 Царь Салтанъ дивится чуду;
 Молвитъ онъ : коль живъ я буду,
 Чудной островъ навѣщу,
 У Гвидона погощу.
 А скачиха съ поварихой,
 Съ свашьей бабой Бабарихой,
 Не хошятъ его пуспипъ
 Чудной островъ навѣспипъ.
 «Ужъ диковинка, ну право,
 Подмигнувъ другимъ лукаво,
 Повариха говоритъ,
 Городъ у моря стоишь!
 Знайше, вошь что не бездѣлка:
 Ель въ лѣсу, подь елью бѣлка,
 Бѣлка пѣсенки поешъ
 И орѣшки все грызешъ,
 А орѣшки не простые,
 Все скорлупки золотыя,
 Ядра — чистый изумрудъ;

Вотъ что чудомъ-то зовушь.
 Чуду царь Салтанъ дивился,
 А комаръ-то злился, злился —
 И впился комаръ какъ разъ
 Тешкѣ прямо въ правой глазъ.
 Повариха поблѣднѣла,
 Обмерла и окривѣла.
 Слуги, свашья и сестра
 Съ крикомъ ловятъ комара.
 «Распроклятая ты мошка!
 Мы тебя!...» А онъ въ окошко,
 Да спокойно въ свой удѣлъ
 Черезъ море полетѣлъ.

Снова князь у моря ходитъ,
 Съ синя моря глазъ не сводитъ;
 Глядь — поверхъ текучихъ водъ
 Лебедь бѣлая плыветъ.
 Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
 Что жъ ты шихъ, какъ день ненастной?

Опечалился чему?

Говоришь она ему.

Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:

Грусь-поска меня съдаешь;

Чудо чудное завесъ

Мнѣ бь хотѣлось. Гдѣ-то есть:

Ель въ лѣсу, подь елью бѣлка;

Диво, право, не бездѣлка —

Бѣлка пѣсенки поетъ,

Да орѣшки все грызетъ,

А орѣшки не просые,

Все скорлупки золошья,

Ядра — чистый изумрудъ;

Но, бытъ можешь, люди врутъ.

Князю лебедь отвѣчаетъ:

«Свѣшь о бѣлкѣ правду баешь;

«Это чудо знаю я;

«Подно, князь, душа моя,

«Не печалься; рада службу

«Окажешь тебѣ я вдружбу.»

Съ ободренною душой
 Князь пошелъ себѣ домой;
 Лишь спунилъ на дворъ широкой —
 Чшо жь? подь елкою высокой,
 Видишь, бѣлочка при всѣхъ
 Золошой грызешъ орѣхъ,
 Изумрудецъ вынимаетъ,
 А скорлупку собираетъ,
 Кучки равныя кладетъ,
 И съ присвисточкой поетъ
 При честномъ, при всемъ народѣ:
Во саду ли, въ огородѣ.
 Изумился князь Гвидонъ.
 Ну, спасибо, молвилъ онъ,
 Ай-да лебедь — дай ей Боже,
 Чшо и мнѣ, веселье то же.
 Князь для бѣлочки пономъ
 Выстроилъ хрустальный домъ,
 Карауль къ нему приспавилъ
 И при номъ дряка заспавилъ

Спрогій счешь орѣхамъ, весшь.

Князю прибыль, бѣлкѣ Chesть.

Вѣшеръ по морю гуляешъ

И корабликъ подгоняешъ :

Онъ бѣжишь себѣ въ волнахъ

На подняшыхъ парусахъ

Мимо острова крушаго ,

Мимо города большаго ;

Пушки съ пристани палять ,

Кораблю пристаать велятъ.

Пристають къ заставѣ госпи :

Князь Гвидонъ зовешъ ихъ вгоспи ,

Ихъ и кормишь и поишь

И опивѣшь держашъ велишь :

Чѣмъ вы , госпи , шоргъ ведете ,

И куда шеперь плывете ?

Корабельщики въ опивѣшь :

Мы объѣхали весь свѣшь ,

Торговали мы конями ,

Все Донскими жеребцами,
 А теперь намъ вышелъ срокъ —
 И лежишь намъ путь далёкъ:
 Мимо острова Буяна,
 Въ царство славнаго Салтана...
 Говоришь имъ князь тогда:
 Добрый путь вамъ, господа,
 По морю по океану
 Къ славному царю Салтану;
 Да скажете: князь Гвидонъ
 Шлеть царю-де свой поклонъ.

Госпи князю поклонились,
 Вышли вонъ и въ путь пустились.
 Къ морю князь — а лебедь шамъ
 Ужъ гуляетъ по волнамъ.
 Молишь князь: душа-де просишь,
 Такъ и шянеть и уносишь...
 Вошь онашь она его
 Вмигъ обрызгала всего:

Въ муху князь оборотился,
 Полетѣлъ и опустился
 Между моря и небесъ
 На корабль — и въ щель залѣзъ.

Вѣтеръ весело шумишь,
 Судно весело бѣжишь
 Мимо острова Буяна,
 Въ царство славнаго Салтана —
 И желанная страна.
 Вотъ ужъ издали видна;
 Вотъ на берегъ вышли гости;
 Царь Салтанъ зоветъ ихъ вгости,
 И за ними во дворецъ
 Полетѣлъ нашъ удалецъ.
 Видишь: весь сія въ златѣ,
 Царь Салтанъ сидишь въ палатѣ
 На престолѣ и въ вѣнцѣ
 Съ грустной думой на лицѣ.
 А скачиха съ Бабарихой,

Да съ кривою поварихой,
 Около царя сидяшь,
 Злыми жабами глядяшь.
 Царь Салпанъ гостей сажаетъ
 За свой споль и вопрошаетъ:
 Ой вы, госпи - господа,
 Долго-ль ѣздили? куда?
 Ладно ль за моремъ, иль худо,
 И какое въ свѣтѣ чудо?
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 Мы объѣхали весь свѣтъ;
 За моремъ жишье нехудо;
 Въ свѣтѣ жъ вошь какое чудо:
 Островъ на морѣ лежитъ,
 Градъ на островѣ стоишь
 Съ златоглавыми церквами,
 Съ теремами да садами;
 Ель роспешъ передъ дворцёмъ,
 А подъ ней хрустальный домъ;
 Бѣлка тамъ живешъ ручная,

Да зашѣйница какая!
 Бѣлка пѣсенки поешъ,
 Да орѣшки все грызешъ,
 А орѣшки не просые,
 Все скорлупки золопыя,
 Ядра — чистый изумрудъ;
 Слуги бѣлку сперегушъ,
 Служашъ ей прислугой разной —
 И приставленъ дьякъ приказной
 Спрогій счесть орѣхамъ весъ;
 Ошдаешъ ей войско Chesъ;
 Изъ скорлупокъ льюшъ монету,
 Да пускаюшъ въ ходъ по свѣту;
 Дѣвки сыилюшъ изумрудъ
 Въ кладовыя, да подспудъ;
 Всѣ въ томъ островѣ богаты,
 Изобъ нѣшъ, вездѣ палаты;
 А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ,
 Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
 Царь Салпанъ дивился чуду.

Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А скачиха съ поварихой,
Съ свашей бабой Бабарихой,
Не хошашъ его пусшишь
Чудный островъ навѣсшишь.
Усмѣхнувшись изподшиха,
Говоритъ царю скачиха:
Что шутъ дивнаго? ну, вошь!
Бѣлка камушки грызѣшь,
Мечешъ золото, и въ груды
Загребаешъ изумруды;
Эшимъ насъ не удивишь,
Правду ль, нѣшь ли, говоришь.
Въ свѣтѣ есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ

И очушятся на брегъ
 Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
 Тридцашь-три богатыря,
 Всѣ красавцы удалые,
 Великаны молодые,
 Всѣ равны, какъ на подборъ —
 Съ ними дядька Черноморъ.
 Это диво, такъ ужъ диво,
 Можно молвить справедливо!
 Госпи умные молчашь,
 Спорить съ нею не хошашь.
 Диву царь Салшанъ дивился,
 А Гвидонъ-то злился, злился....
 Зажужжалъ онъ и какъ разъ
 Тешкѣ сѣлъ на лѣвой глазъ,
 И шкачиха поблѣднѣла:
 Ай! и шупъ же окривѣла;
 Всѣ кричашь: лови, лови,
 Да дави ее, дави....
 Вошь ужо! поспой немножко,

Погоди. . . . А князь въ окошко, II
 Да спокойно въ свой удѣль
 Черезъ море прилещѣль!

Князь у синя моря ходишь,
 Съ синя моря глазъ не сводишь;
 Глядь: поверхъ текучихъ водъ
 Лебедь бѣлая плывѣтъ.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!

Что ты шихъ, какъ день ненастной?

Опечалился чему?»

Говоришь она ему.

Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:

Грусь-тоска меня съѣдаетъ —

Диво бѣ дивное хошѣль

Перенесъ я въ мой удѣль.

«А какое-жъ это диво?»

— Гдѣ-то вздуется бурливо

Окіянь, подыметъ вой,

Хлынетъ на берегъ пусшой,

Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутившись на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ. —
Князю лебедь оповѣщаетъ:
Вошь что, князь, тебя смущаетъ?
Не пужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти вишязи морскіе
Мнѣ вѣдь братья всѣ родные.
Не печалься же, спускай,
Вгости брашцевъ поджидай.

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Спалъ глядяшъ онъ; море вдругъ

Всколыхалось вокругъ ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ ,
И оставило на брегѣ
Тридцать-три богатыря ;
Въ чешуѣ какъ жаръ горя ,
Идутъ вишязи чешаами ,
И блистая сѣдинами
Дядька впереди идеть
И ко граду ихъ ведеть.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ ,
Дорогихъ госшей встрѣчаетъ ;
Впоропяхъ народъ бѣжитъ ;
Дядька князю говоритъ :
Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала
Славный городъ твой хранить
И дозоромъ обходить.
Мы опнынѣ ежедневно
Вмѣстѣ будемъ непременно
У высокихъ стѣнъ твоихъ

Выходишь изъ водъ морскихъ.
 Такъ увидимся мы вскорѣ,
 А теперь пора намъ въ море;
 Тяжель воздухъ намъ земли.
 Всѣ потомъ домой ушли.

Въперъ по морю гуляешь
 И корабль подгоняешь;
 Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
 На поднятыхъ парусахъ
 Мимо острова круаго,
 Мимо города большаго;
 Пушки съ пристани палятъ,
 Кораблю пристать велятъ.
 Пристаютъ къ заснавъ госпи.
 Князь Гвидонъ зоветъ ихъ вгоспи,
 Ихъ и кормишь и поишь
 И отъѣшь держашь велишь:
 Чѣмъ вы, госпи, торгъ ведете?
 И куда теперь плывете?

Корабельщики въ отъѣздъ :
 Мы объѣхали весь свѣтъ ;
 Торговали мы булатомъ ,
 Чистымъ серебромъ и златомъ ,
 И теперь намъ вышелъ срокъ ;
 А лежитъ намъ путь далѣкъ ,
 Мимо острова Буяна ,
 Въ царство славнаго Салтана .
 Говоритъ имъ князь тогда :
 Добрый путь вамъ , господа ,
 По морю по океану
 Къ славному царю Салтану .
 Да скажете-жь : князь Гвидонъ
 Шлетъ-де свой царю поклонъ .

Гости князю поклонились ,
 Вышли вонъ и въ путь пустились .
 Къ морю князь , а лебедь тамъ
 Ужъ гуляетъ по волнамъ .
 Князь опять : душа-де проситъ . . .

Такъ и шянepъ, и уноciпъ. . . .
 И oпaпъ oнa eгo
 Bмигъ oбpызгaлa вceгo.
 Тупъ oнъ oчeнъ yмeнъшилcя,
 Шмeлeмъ князь oбopoшилcя,
 Пoлeпъль и зaжужжaлъ;
 Cуднo нa мopъ дoгнaлъ,
 Пoшxoнъкy oпyсшилcя
 Нa кopмy — и въ щeль зaбилcя.

Въпepъ вecелo шумипъ,
 Cуднo вecелo бъжипъ
 Мимo ocтpoвa Бyянa
 Въ цapcтвo cлaвнaгo Cалпaнa,
 И жeлaннaя cпpaнa
 Boпъ ужъ издaли виднa.
 Boпъ нa бepeгъ вышли гocпи.
 Цapъ Cалпaнъ зoвeпъ ихъ вгocпи,
 И зa ними вo двopeцъ
 Пoлeпъль нaшъ yдaлeцъ.

Видишь , весь сія въ златѣ ,
 Царь Салпанъ сидишь въ палацѣ
 На престолѣ и въ вѣнцѣ
 Съ грустной думой на лицѣ.
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Около царя сидятъ —
 Четырьмя всѣ при глядятъ.
 Царь Салпанъ гостей сажаетъ
 За свой столъ и вопрошаетъ :
 Ой вы , гости - господа ,
 Долго ль ѣздили ? куда ?
 Ладно ль за моремъ иль худо ?
 И какое въ свѣтѣ чудо ?
 Корабельщики въ отвѣтъ :
 Мы объѣхали весь свѣтъ ;
 За моремъ житье нехудо ;
 Въ свѣтѣ жъ вошъ какое чудо :
 Островъ на морѣ лежитъ ,
 Градъ на островѣ стоить ,

Каждый день идесть тамъ диво :
 Море вздуется бурливо,
 Закипитъ, подыметъ вой,
 Хлынетъ на берегъ пуспой,
 Разплеснется въ скоромъ бѣгъ —
 И останутся на брегъ
 Тридцать-три богатыря,
 Въ чешуь златой горя,
 Всѣ красавцы молодые,
 Великаны удалые,
 Всѣ равны, какъ на подборъ;
 Старый дядька Черноморъ
 Съ ними изъ моря выходитъ
 И попарно ихъ выводитъ,
 Чтобы островъ шотъ хранишь
 И дозоромъ обходитъ —
 И шой спражи нѣтъ надежнѣй,
 Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
 А сидитъ тамъ князь Гвидонъ;
 Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.

Царь Салпанъ дивишся чуду,
 Коли живъ я только буду,
 Чудный островъ навѣщу
 И у князя погощу.
 Повариха и ткачиха
 Нигугу — но Бабариха
 Усмѣхнувшись говоритъ :
 Кто насъ эшимъ удивишь ?
 Люди изъ моря выходятъ
 И себѣ дозоромъ бродятъ !
 Правду ль баютъ или лгутъ ,
 Дива я не вижу шутъ .
 Въ свѣтѣ ешь такія-ль дива ?
 Вотъ идешь молва правдива :
 За моремъ царевна ешь ,
 Что не можно глазъ опвесить :
 Днемъ свѣтъ Божій зашмеваешь ,
 Ночью землю освѣщаешь ,
 Мѣсяцъ подъ косою блещишь ,
 А во лбу звѣзда горишь .

А сама-то величава,
 Выплываетъ, будто пава;
 А какъ рѣчь-то говоришь,
 Словно рѣченька журчишь.
 Молвишь можно справедливо,
 Эпо диво, шакъ ужъ диво,
 Госпи умные молчащъ:
 Споришь съ бабой не хошащъ.
 Чуду царь Салшанъ дивишся —
 А царевичъ хошь и злишся,
 Но жалѣешь онъ очей
 Старой бабушки своей:
 Онъ надъ ней жужжишь, кружишся —
 Прямо на носъ къ ней садишся,
 Носъ ужалилъ богашырь:
 На носу вскочилъ волдырь.
 И опяшь пошла превога:
 Помогише, ради Бога!
 Карауль! лови, лови,
 Да дави его, дави.

Вошь ужо! пожди немножко,
 Погоди!... А шмель въ окошко,
 Да спокойно въ свой удѣлъ
 Черезъ море полетѣлъ.

Князь у синя моря ходишь,
 Съ синя моря глазъ не сводишь;
 Глядь — поверхъ текучихъ водъ
 Лебедь бѣлая плывесть.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
 Что жъ ты тихъ, какъ день ненастной?
 Опечалился чему?»

Говоришь она ему.

Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:

Грусь-шоска меня съдаесть;

Люди женятся; гляжу,

Неженатъ лишь я хожу.

«А кого же на примѣтъ

Ты имѣешь?» — Да на свѣтъ,

Говорятъ, царица естъ,

Что не можно глазъ ошвесть.
 Днемъ свѣшъ Божій запмевашъ,
 Ночью землю освѣщаешъ —
 Мѣсяць подъ косою блещишъ,
 А во лбу звѣзда горишъ.
 А сама-то величава,
 Выступаетъ, будто пава;
 Сладку рѣчь-то говоришъ,
 Будто рѣченька журчишъ.
 Только, полно, правда ль эшо? —
 Князь со страхомъ ждеши: ошвѣша.
 Лебедь бѣлая молчишъ
 И подумавъ говоришъ:
 Да! такая есть дѣвица.
 Но жена не рукавица:
 Съ бѣлой ручки не спряхнешъ,
 Да за поясъ не зашкнешъ.
 Услужу тебѣ совѣшомъ —
 Слушай: обо всемъ объ эшомъ
 Пораздумай ты пушѣмъ,

Не раскаяшся бѣ попомъ,
 Князь предъ нею спалъ божишся,
 Что пора ему женишся,
 Что объ этомъ обо всемъ
 Передумалъ онъ пушемъ;
 Что готовъ душою спраспной
 За царвною прекрасной
 Онъ пѣшкомъ иппи опсель,
 Хопъ за придевашъ земель,
 Лебедь шупъ, вздохнувъ глубоко,
 Молвила: зачѣмъ далѣко?
 Знай, близка судьба швоя,
 Вѣдь царвна эша — я.
 Тупъ она, взмахнувъ крылами,
 Полешѣла надъ волнами
 И на берегъ съ вышины
 Опущилася въ кусты,
 Вспрепенулась, опряхнулась
 И царвною обернулась:
 Мѣсяцъ подъ косою блеспишь

А во лбу звѣзда горитъ ;
 А сама-то величава,
 Высшупаетъ, будто пава ;
 А какъ рѣчь-то говоритъ,
 Словно рѣченька журчитъ.
 Князь царевну обнимаетъ,
 Къ бѣлой груди прижимаетъ
 И ведетъ ее скорѣй
 Къ милой мапушкѣ своей.
 Князь ей въ ноги, умоляя :
 Государыня - родная !
 Выбралъ я жену себѣ,
 Дочь послушную тебѣ,
 Просимъ оба разрѣшенья,
 Твоего благословенья :
 Ты дѣшей благослови
 Жить въ совѣтѣ и любви.
 Надъ главою ихъ покорной
 Мать съ иконой чудотворной
 Слезы льетъ и говоритъ :

«Богъ васъ, дѣши, наградишь.» А
 Князь не долго собирался,
 На царевнѣ обвѣнчался;
 Спали жишь да поживашь,
 Да приплода поджидашь.
 Въперъ по морю гуляешь
 И корабликъ подгоняешь:
 Онъ бѣжишь себѣ въ волнахъ
 На раздушыхъ парусахъ
 Мимо острова крушаго,
 Мимо города большаго;
 Пушки съ приспани паляшъ,
 Кораблю присташь веляшъ.
 Приспаюшъ къ заспавъ госпи.
 Князь Гвидонъ зовешъ ихъ вгоспи,
 Онъ ихъ кормишь и поишь
 И отвѣшь держашь велишь:
 Чѣмъ вы, госпи, шоргъ ведете,
 И куда теперъ плывете?

Корабельщики въ опѣшъ :
 Мы объѣхали весь свѣшъ ,
 Торговали мы не даромъ
 Неуказаннымъ поваромъ ;
 А лежишъ намъ пущъ далѣкъ :
 Восвояси на воспокъ ,
 Мимо острова Буяна ,
 Въ царство славнаго Салтана .
 Князь имъ вымолвилъ тогда :
 Добрый пущъ вамъ , господа ,
 По морю по океану
 Къ славному царю Салтану ;
 Да напомниме ему ,
 Государю своему :
 Къ намъ онъ вгости общался ,
 А досель не собрался —
 Шлю ему я свой поклонъ .
 Госпи въ пущъ , а князь Гвидонъ
 Дома на сей разъ оштался
 И съ женою не распался .

Въперь весело шумишь,
 Судно весело бѣжишь
 Мимо острова Буяна
 Къ царству славнаго Салпана,
 И знакомая страна
 Вотъ ужъ издали видна.
 Вотъ на берегъ вышли гости.
 Царь Салпанъ зоветъ ихъ въ гости.
 Гости видяшь: во дворцѣ
 Царь сидишь въ своемъ вѣнцѣ,
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ свашей бабой Бабарихой,
 Около царя сидяшь,
 Четырьмя всѣмъ приглядяшь.
 Царь Салпанъ гостей сажаешь
 За свой столъ и вопрошаешь:
 Ой вы, гости-господа,
 Долго-ль ѣздили? куда?
 Ладно-ль за моремъ, иль худо?
 И какое въ свѣтъ чудо?

Корабельщики въ опѣшь :
 Мы объѣхали весь свѣшь ;
 За моремъ житье нехудо ,
 Въ свѣшь жь вопъ какое чудо :
 Островъ на морѣ лежишь ,
 Градъ на островѣ стоишь ,
 Съ зашпоглавыми церквами ,
 Съ перемами и садами ;
 Ель роснеть передъ дворцомъ ,
 А надъ ней хрустальный домъ ;
 Бѣлка въ немъ живеть ручная ,
 Да чудесница какая !
 Бѣлка пѣсенки поеть ,
 Да орѣшки все грызеть ;
 А орѣшки не просые ,
 Скорлупы-то золошья ,
 Ядра — чистый изумрудъ ;
 Бѣлку холяшь , берегутъ .
 Тамъ еще другое диво :
 Море вздуется бурливо ,

Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разплеснется въ скоромъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ —
Съ ними дядька Черноморъ.
И пой спражи нынѣ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А у князя женка есть,
Что не можно глазъ опвесить:
Днемъ свѣтъ Божій зашмеваешь,
Ночью землю освѣщаешь;
Мѣсяцъ подъ косой блещишь,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тошъ городъ правишь,
Всякъ его усердно славитъ;

Онъ прислалъ шебъ поклонъ,
 Да шебъ пѣняетъ онъ :
 Къ намъ-де въ гости общался,
 А доселѣ не собрался.

Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ,
 Снарядилъ онъ флотъ велѣлъ.
 А шкачиха съ поварихой,
 Съ свашьей бабой Бабарихой,
 Не хошящъ царя пусшишь
 Чудный островъ навѣсшишь.
 Но Салпанъ имъ не внимаеши
 И какъ разъ ихъ унимаешь :
 «Что я? царь или дитя?»
 Говоришь онъ не шутя :
 «Нынче-жъ ѣду!» — Тутъ онъ попиуль,
 Вышелъ воиъ и дверью хлопнуль.

Подъ окномъ Гвидонъ сидишь,
 Молча на море глядишь :

Не шумишь оно, не хлещешь,
 Лишь едва, едва прелещешь,
 И въ лазоревой дали
 Показались корабли:
 По равнинамъ океана
 Ёдетъ флотъ царя Салмана.
 Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
 Громогласно возопилъ:
 «Машушка моя родная!
 Ты, княгиня молодая!
 Посмотрише вы шуда:
 Ёдетъ бапюшка сюда.»
 Флотъ ужъ къ острову подходишь.
 Князь Гвидонъ трубу наводишь:
 Царь на палубѣ стоишь,
 И въ трубу на нихъ глядишь;
 Съ нимъ скачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой;
 Удивляются онѣ
 Незнакомой сторонѣ.

Разомъ пушки запалили ;
 Въ колокольняхъ зазвонили ;
 Къ морю самъ идешъ Гвидонъ ;
 Тамъ царя встрѣчаешъ онъ
 Съ поварихой и шкачихой ,
 Съ свашьей бабой Бабарихой ;
 Въ городъ онъ повель царя ,
 Ничего не говоря.

Всѣ шеперь идущъ въ палаши :
 У ворошъ блистающъ лаши ,
 И стоящъ въ глазахъ царя
 Тридцать три богатыря ,
 Всѣ красавцы молодые ,
 Великаны удалые ,
 Всѣ равны какъ на подборъ ,
 Съ ними дядька Черноморъ.
 Царь спушилъ на дворъ широкой :
 Тамъ подъ елкою высокой
 Бѣлка пѣсенку поешъ ,

Золошой орѣхъ грызеть ,
Изумрудецъ вынимаетъ
И въ мѣшечекъ опускаетъ ;
И засѣянъ дворъ большой
Золошою скорлупой.
Госпи далъ — поропливо
Смопрятъ — чшо жь ? княгиня — диво :
Подъ косою луна блеспишь ,
А во лбу звѣзда горитъ ;
А сама-шо величава ,
Высшупаетъ , будшо пава ,
И свекровь свою ведетъ.
Царь глядишь — и узнаетъ . . .
Въ немъ взыграло решивое !
« Чшо я вижу ? чшо такое ?
Какъ ! » и духъ въ немъ занялся . . .
Царь слезами залился ,
Обнимаетъ онъ царицу
И сынка и молодицу ,
И садящся всѣ за сшоль ;

И веселый пиръ пошѣлъ.
А шкачиха съ поварихой,
Съ свашьей бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ;
Ихъ нашли насилу шамъ.
Тупъ во всемъ онъ признался,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Ошпустилъ всѣхъ шрехъ домой.
День прошелъ — царя Салпана
Уложили спать вполпьяна.
Я шамъ былъ; медъ, пиво пилъ —
И усы лишь обмочилъ.

Итак, неслучайно, вступив в

связь с товарищем,

Советской Союзной Республики,

Республики по этому

Им самим лично

Там до него он упоминает

Повторяю, повторяю;

Или же повторю снова

Особенно в этом деле

Две стороны — одна

Вопрос о том, как

В том деле, как это

И тем же образом

РАЗНЫХЪ ГОДОВЪ.

PA3HIX7 1030R

I.

УЗНИКЪ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный въ неволѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюешь подъ окномъ,

Клюешь, и бросаешь, и смопришь въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зовешь меня взглядомъ и крикомъ своимъ
И вымолвишь хочешь: «давай улетимъ!

« Мы вольныя пщицы; пора, брашъ, пора!

« Туда, гдѣ за тучей бѣлѣшь гора,

« Туда, гдѣ синѣюшь морскіе края,

« Туда, гдѣ гуляемъ лишь вѣшеръ... да я!... »

II.

КЪ ЯЗЫКОВУ.

(Михайловское, 1824.)

Издревле сладостный союзъ
 Поэтовъ межъ собой связуешь:
 Они жрецы единыхъ музъ;
 Единый пламень ихъ волнуешь;
 Другъ другу чужды по судьбѣ,
 Они родня по вдохновенью.
 Клянусь Овидіевой пѣнью:
 Языковъ, близокъ я тебѣ.
 Давно бѣ на Дерпшскую дорогу
 Я вышла упренней порою

И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой,
И возвратился бѣ оживленный
Карпиной беззаботныхъ дней,
Бесѣдой вольно-вдохновенной
И звучной лирою швоей.
Но злобно мной играешь щасье:
Давно безъ крова я ношусь,
Куда подуешь непогода;
Уснувъ, незнаю, гдѣ проснусь.
Теперь одинъ, въ глухомъ изгнаньѣ,
Влачу шомшельные дни.
Услышь, поэшь, мое призванье,
Моихъ надеждъ не обмани.
Въ деревнѣ, гдѣ Петра пишомецъ,
Царей, Царицъ любимый рабъ
И ихъ забышый однодомецъ,
Скрывался прадѣдъ мой Арапъ,
Гдѣ, позабывъ Елисаветы
И Дворъ и пышные обѣшны,

Подъ сѣнью липовыхъ аллей

Онъ думалъ въ охлажденны лѣшны

О дальней Африкѣ своей,

Я жду тебя.

III.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя :
То, какъ звѣрь, она завоеетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровлѣ обвѣшшалай
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ пушникъ запоздалой,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша вѣшная лачужка
 И печальна и шемна.
 Чѣмъ же ты, моя старушка,
 Приумолкла у окна?
 Или бури завываньемъ
 Ты, мой другъ, утомлена,
 Или дремлешь подъ жужжаньемъ
 Своего верепена?

Выпьемъ, добрая подружка
 Бѣдной юности моей,
 Выпьемъ сгоря; гдѣ же кружка?
 Сердцу будетъ веселѣй.
 Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
 Тихо за моремъ жила;
 Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
 За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
 Вихри снѣжные крутя:
 То какъ звѣрь, она завоеетъ,
 То заплачетъ, какъ дитя.
 Выпьетъ, добрая подружка
 Бѣдной юности моей,
 Выпьетъ сгоря; гдѣ же кружка?
 Сердцу будешь веселѣй.

IV.

19 ОКТЯБРЯ, 1827.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, Царской службы,
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ тайнствахъ любви!

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горь,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морь,
И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

V.

(26 Маія, 1828.)

Даръ напрасный, даръ случайной,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ спрасью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?...

Цѣли нѣтъ передо мною :
 Сердце пусто , праздень умъ ,
 И помишь меня шоскою
 Однозвучный жизни шумъ.

(813)

VI.

(1828.)

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я :
Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирашь безъ умиленья,
Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной ?
Ужъ мало ль бился я, какъ яспребъ молодой,
Въ обманчивыхъ сѣтяхъ, разкинушихъ Кипридой :
А неисправленный спократною обидой,
Я новымъ идоламъ несу мои мольбы...

VII.

АНЧАРЪ *.

(1828.)

Въ пустынь чухлой и скупой,
На почвъ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоишь, одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мершвую въпивей
И корни ядомъ напоила.

* Дерево яда.

Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню распопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.

Къ нему и пшйца не лепишь,
И пигрь нейдеть: лишь вихорь чёрный
На древо смерти набъжишь —
И мчишься прочь уже плешворный.

И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій;
Съ его въшвей ужъ ядовишь
Спекаетъ дождь въ песокъ горючій.

Но челоуѣка челоуѣкъ
Послалъ къ анчару власнымъ взглядомъ :
И пошъ послушно въ путь пошекъ,
И къ упру возвратился съ ядомъ.

Принесъ онъ смертную смолу
Да въшвъ съ увядшими листьями,
И пошъ по блѣдному челу
Спруидся хладными ручьями;

Принесъ — и ослабѣлъ и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыки,
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

А князь шѣмъ ядомъ напишаль
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослаль
Къ сосѣдамъ въ чуждые предѣлы.

VIII.

Подъѣзжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса
И вспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.
Хоть я грустно очарованъ
Вашей дѣвственной красой,
Хоть вампиромъ именованъ
Я въ губерніи * * *;
Но колѣнь моихъ предъ вами
Преклонишь я не посмѣлъ
И влюбленными мольбами
Васъ превозишь не хощѣлъ.
Упиваясь непріятно

Хмелемъ свѣтской суеши,
 Позабуду, вѣроятно,
 Ваши милыя чершы,
 Легкій спань, движеній стройность,
 Осторожный разговоръ,
 Эту скромную спокойность,
 Хищрый смѣхъ и хищрый взоръ.
 Если жъ нѣтъ... по прежню слѣду
 Въ ваши мирные края
 Черезъ годъ опять заѣду
 И влюблюсь до Ноября.

IX.

СОБРАНІЕ НАСѢКОМЫХЪ.

Какія крохотны коровки!

Есть, право, меньше булавочной головки.

Крыловъ.

Мое собранье насѣкомыхъ

Открыто для моихъ знакомыхъ;

Ну, что за пестрая семья!

За ними гдѣ не рылся я!

За то, какая соршировка!

Вошь * * * Божія коровка,

Вошь * * * злой паукъ,

Вошь и * * * Россійскій жукъ,

Вошь * * * черная мурашка,

Вошь * * * мелкая букашка.

Куда ихъ много набралось!

Опрятно за стекломъ и въ рамахъ

Они, пронзенныя насквозь,

Рядкомъ шорчають на эпиграммахъ.

X.

ПРИМѢТЫ.

Я ѣхалъ къ вамъ: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ решивой.

Я ѣхалъ прочь: иные сны...
Душѣ влюбленной грустно было,
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло.

Мечпанью вѣчному въ пиши
 Такъ предаемся мы, поэшы;
 Такъ суевѣрныя примѣшы
 Согласны съ чувствами души.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

	Стран.
1829. I. Кавказъ	7.
II. Обвалъ	9.
III. Монастырь на Казбекѣ	12.
IV. Делибашъ	13.
V. (На холмахъ Грузіи лежишь ночная мгла). <i>Отрывокъ</i>	15.
VI. (Не плѣняйся бранной славой). <i>Изъ</i> <i>Гафиза</i>	16.
VII. Донъ	17.
VIII. Олеговъ <i>Щипъ</i>	19.
IX. (Поѣдемъ, я гошовъ). <i>Элегическій</i> <i>отрывокъ</i>	21.
X. (Когда швои младыя лѣша)	22.
XI. (Я васъ любилъ)	24.
XII. (Зима. Чшо дѣлашь намъ въ деревнѣ). ..	25.
XIII. Зимнее упрѣ	28.
XIV. (Щаспливъ шы въ прелестныхъ)	31.
XV. Лишпературное извѣстіе)	32.
XVI. (Какъ сапирой безымянной). <i>Эпи-</i> <i>грамма</i>	33.
XVII. Дорожныя жалобы	34.
XVIII. Калмычкѣ	37.
XIX. (Чшо въ имени шебѣ моемъ). <i>Въ аль-</i> <i>бомѣ</i>	39.
XX. (Кшо на снѣгахъ возраспилъ). <i>Загадка</i> ..	41.
XXI. (Брожу ли я вдоль улицъ). <i>Станцы</i> ..	42.
1830. I. (Въ часы забавъ иль праздной скуки). <i>Станцы</i>	47.
II. Къ Вельможѣ	49.
III. Поэту. <i>Сонетъ</i>	56.
IV. Опвѣшь анониму	58.
V. (Пью за здравіе Мери). <i>Пѣсня</i>	60.

	Стран.
VI. Пиръ во время чумы. Изъ Вильсоновой трагедіи: <i>The city of the plague</i>	62.
VII. Сонетъ. Сонетъ.	78.
VIII. Бѣсы.....	80.
IX. Царскосельская спашуя.....	84.
X. Опрокъ.....	85.
XI. Рифма	86.
XII. На переводъ Иліады.....	87.
XIII. Трудъ	88.
XIV. Моцартъ и Сальери	89.
XV. Новоселье.....	107.
XVI. Цыганы. Сб Англійскаго.....	108.
XVII. Отвѣтъ.....	110.
XVIII. Мадона. Сонетъ	112.
1831. I. Эхо.....	117.
II. Клеветникамъ Россіи.....	119.
III. Бородинская годовщина.....	123.
IV. Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салпановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди.....	130.

Разныхъ годовъ:

I. Узникъ	185.
II. Къ Языкову. Отрывокъ изъ посланія.	187.
III. Зимній вечеръ.....	190.
IV. 19 Октября, 1827.....	193.
V. (Даръ напрасный).....	194.
VI. (Каковъ я прежде былъ). Отрывокъ изъ Андрея Шенье	196.
VII. Анчаръ.....	197.
VIII. (Подъѣзжая подъ Ижоры).....	201.
IX. Собраніе насѣкомыхъ.....	203.
X. Примѣты	205.

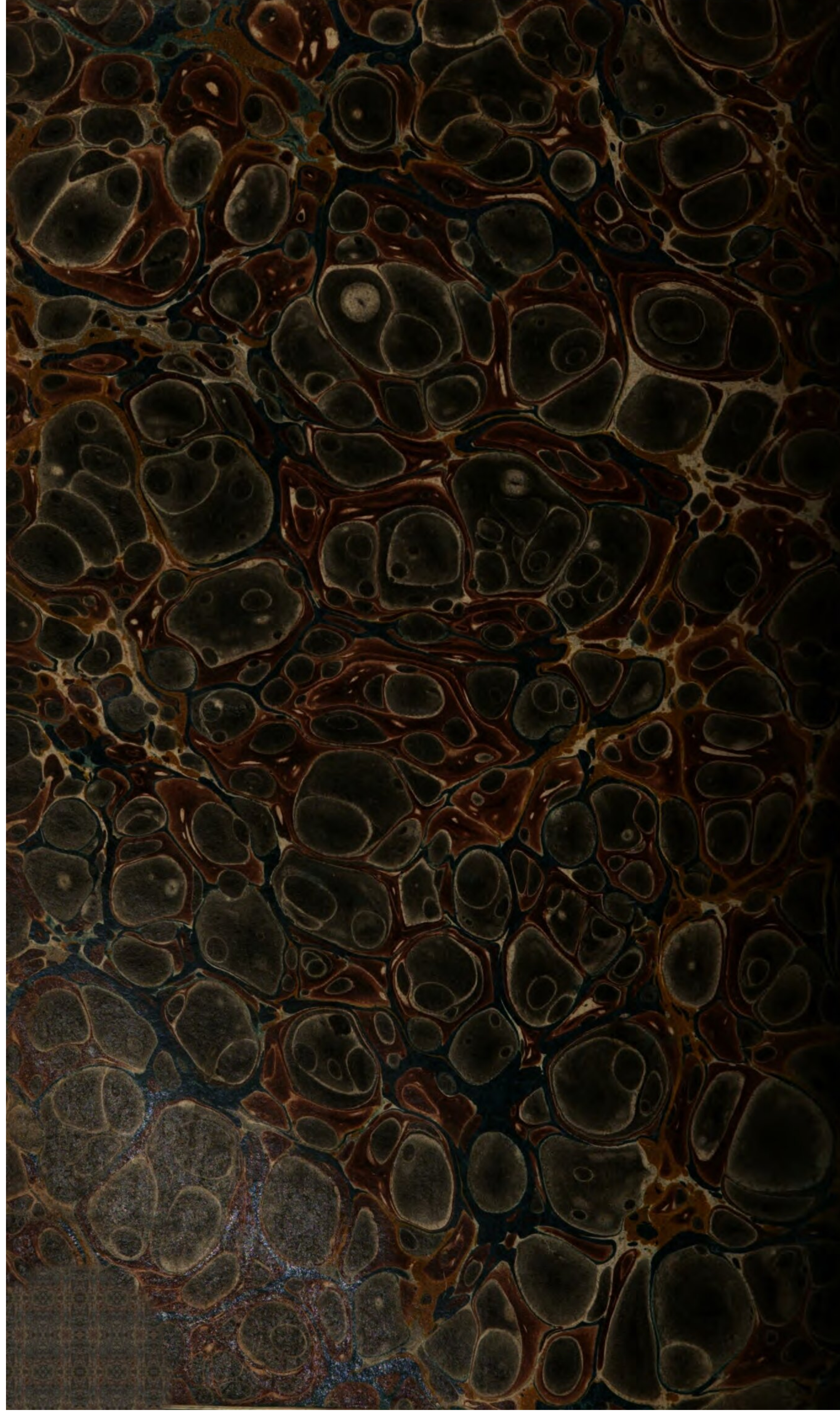
КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

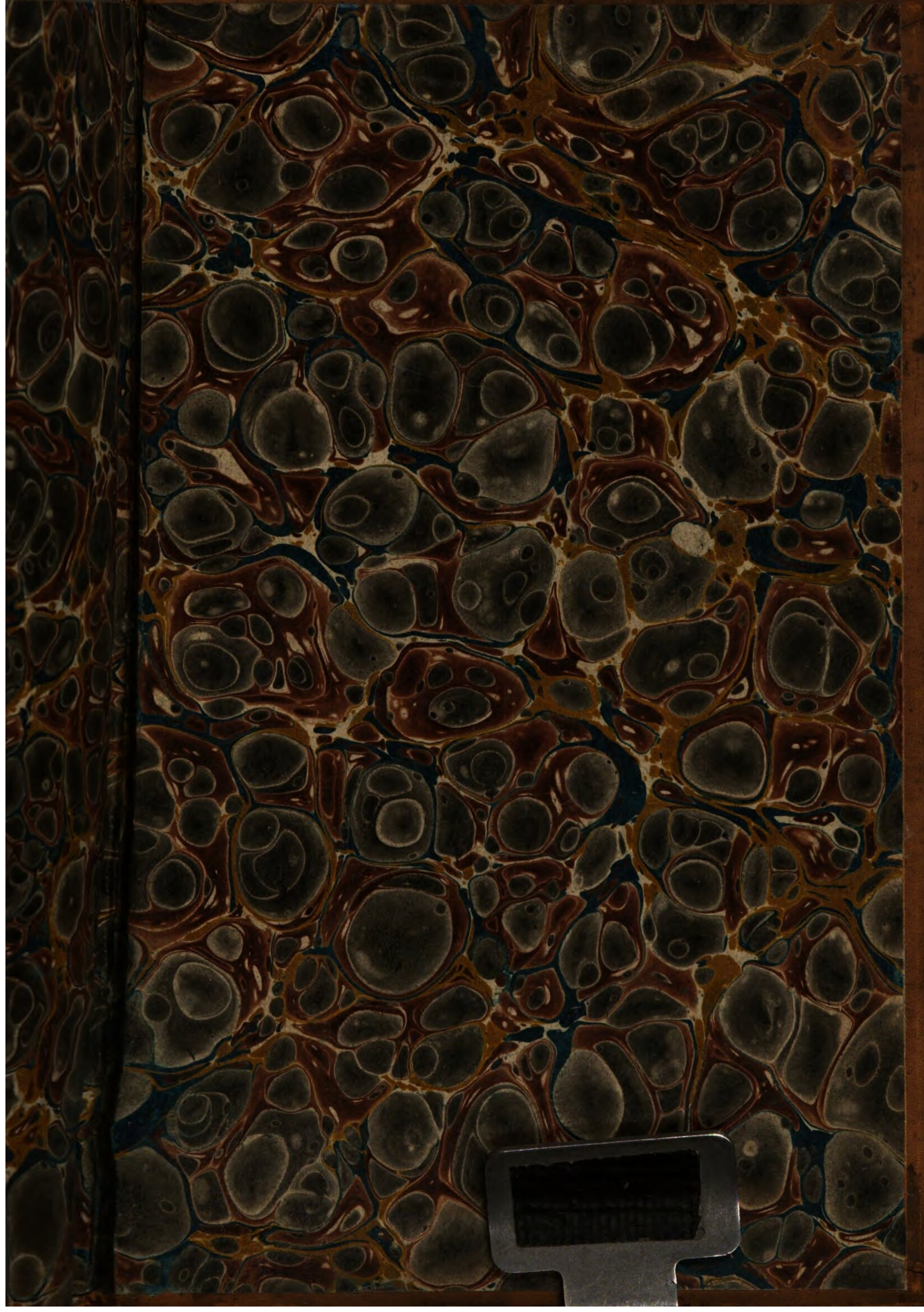
ПОПРАВКА:

Въ Сказкѣ о царѣ Салтанѣ и проч. вмѣсто
слова *Окіанъ* ошибкою вездѣ напечатано *Океанъ*.

ЗАДАЧА

Въ Санктъ-Петербургѣ въ 1812 году. Изданъ въ типографіи
Государственнаго Университета.

Puškin, Aleksandr Sergeevič,

Stichotvorenija

Bd.: 3. (1832). - 208 S.

Sanktpeterburg 1832

Res/P.o.rel. 3356-3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10926564-1